РФ
Б-74

ЭКОНОМИКА

Проф. М. И. Боголепов

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ПЕТЕРБУРГ
1921
„ПРАВО"

Б-74
59г
33
Б-7

ЭКОНОМИКА

ВЫПУСК
I

Проф. М.И. Боголепов

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(Экономический очерк)

РЕДКИЙ ФОНД

ПРОВЕРЕНО

Петроград
Издательство «ПРАВО»
1921

170 рф
Финансовая Академия
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА

ПРОВЕРЕНО

Р. В. Ц. гор. Петр. Отп. 2.000 экз. 5-я Гос. тип.

I.

Последствия войны.

Огромные опустошения, созданные войною во всем мире, повсюду поставили задачу скорейшего воссоздания истребленных ценностей путем энергичного развития производительных сил. Лишь только замолчали пушки, во всем мире началась самая напряженная работа по восстановлению разрушенных ценностей и по преодолению тяжелых последствий войны, исковеркавшей и изуродовавшей народнохозяйственную действительность. Со времени перемирия, заключенного на Западе в ноябре 1918 г., протекло достаточное количество времени и накопился богатый и весьма интересный опыт, познакомиться с которым нам, русским, возлагающим свои последние надежды на развитие наших дремлющих и в большинстве случаев неиспользуемых производительных сил, представляется и поучительным, и необходимым делом. Этот опыт показывает пути и методы, практикуемые на Западе, говорит об ошибках и достижениях, о надеждах и разочарованиях передовых промышленных стран. И в то же время опыт Запада ценен для нас в том отношении, что в условиях связанного мирового хозяйства наше экономическое возрождение, существенно необходимое для Запада, немыслимо без самого тесного общения с тем же Западом, невозможно без самой деятельной помощи более развитых промышленных стран.

Кроме того, в целом ряде стран перед народными хозяйствами встали на ближайшую очередь такие задачи, которые тождественны с русскими задачами, в особенности в области развития еще нетронутых и мало исследованных естественных производительных сил. Две основные дороги лежат перед пострадавшими от войны

народными хозяйствами: более интенсивное использование уже захваченных экономическим оборотом естественных богатств и, во-вторых, поиски и захват новых богатств. Герцог Девонширский в своем интересном докладе в Royal Canadian Institute в Торонто доказывал, напр., необходимость больших ассигнований на изучение естественных рессурсов Канады. Указывая, что только сравнительно небольшая часть Канады обслужена железными дорогами, докладчик подробно обосновал свои предположения, что в обширной области за полярным кругом лежат возможности величайшей ценности. Если, по его словам, к этим областям приложить методы научного обследования, то в 10 лет богатства страны увеличатся в 300 раз, что даст возможность государству быстро и с лихвой ликвидировать тяжелое наследство мировой войны («Times» от 13. IX. 1920). Если Канада приступит к разрешению указанной герцогом Девонширским задачи, то ведь ее опыт будет иметь животрепещущий интерес для России, которая, по замечанию Менделеева, является страною, лежащею на берегах Северного Ледовитого океана.

Мы не говорим уже о грандиозных проектах, которые живо обсуждаются и изучаются, напр., в Англии и С.-А. Соед. Штатах, где настаивают на необходимости запрячь морские приливы, использовать в широчайшем масштабе силу падающей воды. Все это, как, напр., английский проект устроить электрическую станцию, работающую силой приливов и отливов в Северне, представляет величайший теоретический и практический интерес. Но не менее интересна обыденная экономическая жизнь Запада после войны, протекающая в необыденных условиях, созданных мировой войною.

Война, как известно, вызвала колоссальные расходы. Сейчас еще нет достоверных статистических подсчетов этих расходов. Вероятно, они исчисляются цифрами, способными ошеломить живое воображение. Франция,

напр., определяет свои убытки от войны в 220 миллиардов фр. Военные расходы, с экономической точки зрения, представляют собою непроизводительное потребление народнохозяйственного дохода на протяжении 4 лет войны. Это было самой тяжелой стороной войны. И когда наступил мир, то, в силу политических условий, военные расходы, т. е. опять-таки то же самое непроизводительное потребление истощенного народнохозяйственного дохода, сократились далеко не в той мере, в какой требовало это положение пострадавших от войны государств. Это печальное наследство войны мешает народнохозяйственным организмам выпрямиться, препятствует процессу оздоровления, затягивая срок пребывания народных хозяйств в санаторных условиях. Не поддающиеся значительному сокращению военные расходы мешают свести концы с концами в государственных бюджетах; огромные бюджетные дефициты способствуют дальнейшей бумажноденежной инфляции, ухудшая условия образования цен. О том, какую роль играют военные расходы в мирных бюджетах, можно судить, напр., по бюджету Румынии. Ее бюджет на 1920—21 г. был сведен с дефицитом в 1.639 милл. леи и заключал в себе военных расходов на 2.150 милл. леи (все расходы—6.099 милл. и все доходы—4.460 милл.). Проект румынского бюджета на 1921—22 г. составлен с превышением доходов над расходами в 143 милл., что удалось достигнуть благодаря сокращению военных расходов до 654 милл. леи (все расходы—4.866 милл., все доходы—5.009 милл.). Такое значительное сокращение военных расходов, оказавшееся возможным благодаря улучшению отношений с Советской Россией, сразу преобразило румынский бюджет и оздоровило условия народнохозяйственной жизни.

Военные расходы ущемляют народнохозяйственный доход. Но война сильно затронула и народнохозяйственный капитал, так как она истребила огромные

количества накопленного богатства. Отсутствие этих богатств мешает налаживать экономическую жизнь, так как весьма часто уничтожению подверглись богатства, играющие существенную роль в процессе производства. Прежде чем наладить производство, необходимо все эти ущербы возместить, т. е. значительную часть текущего народнохозяйственного дохода направить на ремонт экономического оборудования страны. По версальскому договору, страны, входившие в орбиту Антанты, должны были к 1 мая 1921 г. представить счет своих военных ущербов, за исключением военных расходов. Этот счет интересен для нас в том отношении, что он дает представление о размерах военных ущербов, т. е. истребленных войною частей народнохозяйственного капитала и об излишней нагрузке текущего дохода. «The Allied Reparations Commission» опубликовала, между прочим, поступившие к ней к февралю 1921 г. подобные счета отдельных стран. Приведем «счет», представленный Францией. Он балансируется суммой в 218.541.596.120 франков (бумажных) и делится на две части: в первой подсчитаны ущербы, нанесенные имуществам, во второй — лицам. В первой части мы находим счет ущербов, нанесенных французской промышленной собственности (38,8 миллиардов), зданиям (36,8 млд.), оборудованию (25 млд.), незастроенной собственности (21,6 млд.), государственной собственности (1,9 млд.), общественным сооружениям (2,5 млд.), торговому флоту (5 млд.) и т. д., и т. д. Великобритания определила свои ущербы в 2.542 милл. ф. ст. плюс 7.598 милл. франков, считая потери торгового флота в 763 милл. ф. ст.; Бельгия — 34.255 милл. бельг. фр. и 2.375 милл. франц. франков; Япония — 832 милл. йен, в том числе 297 милл. пароходных убытков; Юго-Славия 8.496 милл. динаров и 19.219 милл. фр.; Румыния — 31.099 милл. фр.; Португалия 1.944 контос; Греция — 4.992 милл. фр.; Бразилия 1.216 милл. ф. ст. (за пароходы) и 598 тыс. фр.; Чехо-

Словакия представила сложный счет: 6.944 милл. фр. плюс 5.614 милл. крон, плюс 618 милл. фр. плюс 1.448 милл. крон. Последние две цифры представляют ущербы от «the bolshevist invasion». Счет Польши — 21.913 милл. золотых фр. плюс 500 милл. золотых марок; Либерия — 3.977 тыс. долл.; Европейская Дунайская Комиссия — 1.854 тыс. зол. фр. плюс 15 т. франц. фр. плюс 488 леи; Сиам — 9.179 тыс. зол. марок плюс 1.169 т. фр., Боливия — 16.000 ф. ст.; Перу — 56 т. ф. ст. плюс 107 т. фр., Гаити 80 т. долл. + 532 т. фр., Куба — 801 т. долл. («The Economist», 26 февр. 1921 г.). В этот счет не вошли ущербы С.-А. Соед. Штатов и России, стран, не признающих Версальского договора. Разумеется, здесь нельзя найти оценки ущербов и тех стран, которые входили во время войны в немецкий союз.

В апреле 1921 г. министр освобожденных областей Франции Loucheur говорил в одной из своих речей, что на восстановление севера Франции придется, после сделанных уже затрат, истратить еще от 80 до 100 миллиардов фр., в зависимости от состояния товарных цен и заработных плат и что ежегодно придется ассигновывать на эту цель до 10 миллиардов фр. («The Economist», 30 апр. 1921 г.).

Огромная энергия и колоссальные затраты материальных рессурсов уйдут на восстановление изничтоженных войною ценностей, что по необходимости замедлит ход оздоровления народных хозяйств.

Кроме таких часто количественных ущербов войны народные хозяйства должны изжить и другие последствия военного времени. Война грубо нарушила производственный процесс, в особенности тем, что уничтожением в огне войны значительных количеств народно хозяйственного дохода сильно был ослаблен процесс вос производства. Те части дохода нации, которые обычно шли на создание или воссоздание средств производства, во время войны зачастую истреблялись. Стоит только

вспомнить о знаменитом лозунге военного времени: «все железо на фронт!»... Военное потребление захватывало область воспроизводства и беднило страны. Военное потребление ответственно и за другое вредное последствие войны, именно, за искажение и искалечение системы потребления. Прямое потребление, как основная цель производственного процесса, в значительной мере уступило место военному истреблению. Рынки потребления сжались, были искалечены standard'ы of the life, потребитель был принужден перейти на сокращенные пайки и местами даже на голодные рационы. При этом, как правило, ограниченное довольствие совершалось по повышенным ценам, т. е. часто с большей затратой энергии для получения меньшего результата.

К этим последствиям войны нужно присоединить и то, что во всех странах, но в разной мере, были так или иначе испорчены системы денежного обращения, а также валютные отношения мирового рынка были приведены в хаотическое состояние. Это последствие войны привело к настоящей революции товарных цен и заработных плат и к созданию в высшей степени ненормальных условий для функционирования как внутренних, так и внешних рынков. «The American» (изд. National City Bank) сделал следующий любопытный подсчет в долларах, по довоенному курсу, бумажных денег во всем мире, за исключением не публикующей своих цифр Сов. России: в 1913 г. во всем мире было выпущено бумажных денег на 7,5 миллиардов долл. с обеспечением их золотом в 66,3%. К началу 1921 г. бумажных денег было выпущено уже на 82 миллиарда долл., обеспечение же золотом упало до 9,2%. Во время войны ежегодно, в среднем, выпускалось в год 9 млд. бумажных денег; в 1919 г. их было выпущено 12 млд., а в 1920 г.—25 млд. долл. Прогрессия инфляции указывает, что бумажноденежная болезнь достигала своего апогея после войны, когда народные хозяйства особенно

нуждались в восстановлении нормальных условий образования цен и заработных плат.

Расстройство систем денежного обращения привело к тому, что необходимые инструменты денежной политики — эмиссионные банки — сделались малосильными, так как они болеют бумажноденежною водянкою даже в нейтральных невоевавших странах. Вот ряд примеров, иллюстрирующих довоенное и послевоенное положение эмиссионных банков:

Количество банкнот в обращении.

	До войны:	После войны, на конец 1920 г.:
Англия	29 милл. ф. ст.	145 милл. ф. ст.
Франция	5,8 млд. фр.	37,9 млд. фр.
Испания	1,9 „ пезет.	4,2 „ пезет.
Япония	362 милл. иен.	1 „ иен.
Италия	1½ млд. лир.	15,2 „ лир.
Швейцария	276 млн. фр.	965 млн. фр.
Голландия	317 „ гульд.	1 млд. гульд.
Швеция	226 „ крон.	731 млн. кр.
Бельгия	934 „ фр.	6 млд. фр.
Норвегия	113 „ крон.	493 млн. крон.
Дания	157 „ „	555 „ „
Финляндия	124 „ марок.	1,3 млд. марок.
Германия	2 млд. „	65 „ „

Весьма часто эмиссионные банки являются кредиторами государств на очень крупные суммы. Но уплата этих долгов, имеющих, как правило, краткосрочную форму, представляется делом довольно трудным, так как государства переживают еще одно тяжелое последствие войны, — именно сложный финансовый кризис, выражающийся вовне в колоссальных дефицитах. Выше мы указали на одну из причин бюджетных дефицитов — на крупные военные расходы, отягчающие мирные бюджеты. Но война оставила и другое наследство в виде колоссальных государственных долгов, оплата которых изнуряет бюджетные рессурсы и мешает борьбе с дефицитностью. По подсчетам указанного выше «The American», довоенная задолженность всех государств, в 1913 г., составляла 43 млд. долл. с ежегодным расхо-

дом по их оплате в 1.750 милл. долл. В конце 1920 г. задолженность поднялась до 300 млд. долл., с расходом в 12 милл. Этими цифрами война поставила огромный барьер на пути экономического оздоровления. Создалась настоящая гипертрофия фиктивного капитала, тяжело отзывающаяся и на промышленном капитале, и на всем народном хозяйстве.

Рассматривая прирост государственных долгов, мы находим в этом приросте три составные части, имеющие неодинаковые последствия и оказывающие различное влияние. Сильно увеличился фундированный долг государств, представленный массой твердопроцентных бумаг, размещенных в широкой публике. В неестественных размерах у многих государств остается неликвидированным текучий долг, органически связанный с бумажноденежной инфляцией и, наконец, у ряда государств, которые до войны в значительных количествах экспортировали капитал и были кредиторами наций, ныне выросли значительные по своим размерам и вредные по последствиям внешние долги. О росте этих долгов можно судить по следующей таблице:

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ.					
	Внутренняя.			Внешняя, после войны.	
	Фундирован.		Текучий долг.	Al pari.	По курсу 1920. X.
	До войны.	1920 г.			
Англия, ф. ст. .	706 млн.	5 млд.	1.584 млн.	1.279 млн.	1.724 млн
Франция, фр. . .	33½ млд.	109 »	76 млд.	33½ млд.	87 млд.
Италия, лиры . .	13½ »	52 »	21 »	20 »	78 »
Германия, марк. .	5 »	91 »	105 »	3 »	—

Все три категории долгов имеют одно общее последствие: они вызывают необходимость огромных бюджетных расходов, что связывает по рукам и ногам финансовую политику, лишая ее необходимой эластичности и отвлекая средства государственных бюджетов от насущных и неудовлетворяемых потребностей. Текучий долг давит на денежный рынок и лишает оборот необходимых средств. Ликвидация текучего долга—первое предварительное условие оздоровления денежных систем и эмиссионных банков. Но эта ликвидация, по причине неестественных размеров текучего долга, сводится к превращению краткосрочных займов в долгосрочные, т. е. к увеличению фундированного долга и, следов., к осложнению бюджетных задач. Наконец, внешняя задолженность стран, экспортировавших капитал, и стран, ввозивших иностранные капиталы, затрудняет сложное дело оздоровления международных валютных отношений, что создает длительные нездоровые условия для внешней торговли. Так как после войны Европа оказалась сильно задолженной Америке, то особенно расстроились отношения между долларом и европейскими валютами. С другой стороны, Великобритания, задолжавшая Америке, по курсу конца 1920 г., 1¾ миллиарда ф. ст., в свою очередь является крупным кредитором европейского континента и своих колоний. Это расстраивает отношения между фунтом стерлингов и континентальными валютами. По оффициальным данным, 31 марта 1921 г. ссуды Англии союзникам и колониям определялись в 1.947.600 тыс. ф. ст.

Эта цифра с избытком покрывает задолженность Великобритании Америке, но представленная ими задолженность портит валютные отношения Англии к Америке и Англии к Европе.

Заключая эту главу, мы хотели бы указать еще на одно обстоятельство, которое следует признать одним из тяжелых последствий недавней войны. Накануне войны цивилизованный мир жил в условиях теснейшего экономического общения, в круговорот которого постепенно вовлекался весь земной шар. Международное экономическое общение было существенно-необходимым

условием жизни старых промышленных стран, и в то же время вне этого общения совершенно невозможно было развитие народного хозяйства в странах или отсталых, или поздно выступивших на историческую арену. Война разрушила это общение, а в послевоенное время оно восстанавливается слишком медленно. Помехой к восстановлению тесного международного хозяйственного общения прежде всего является нерешенность основного вопроса о мире между двумя коалициями. Версальский договор не дал мира Европе. С другой стороны, блокада Сов. России и другие политические события не содействовали налаживанию мирного сожития и сотрудничества народов. Кроме политических причин, мешавших этому сотрудничеству, такими же помехами были и экономическия условия послевоенного времени, прежде всего и больше всего хаотическое состояние валютных рынков. Разорванность международного экономического общения, порой приводящая отдельные страны к состоянию настоящей изоляции, является одной из главных причин, замедляющих хозяйственное возрождение Европы «Экономические беды Англии,—писал английский журнал «The Economist»,—до тех пор не могут быть совершенно излечены, пока не будут излечены более крупные беды Европы и России,- а это потребует большого времени» (29 янв. 1921 г.). Поэтому восстановление международного экономического общения является главным условием успешного преодоления последствий войны.

II.

Важнейшие показатели состояния народного хозяйства.

Из беглого обзора последствий мировой войны видно, что народным хозяйствам Европы пришлось залечивать свои раны и налаживать мирное строительство в весьма трудных и порою тяжких условиях. Для одних стран последствия войны, конечно, были тяжелее, чем для других. Ряд стран вышли из войны в состоянии полного экономического истощения и финансового расстройства. В силу современной связанности экономических судеб отдельных стран, наличность целого ряда стран, в корне подорванных войною, угнетающим образом влияла на ход жизни и в таких государствах, где народные хозяйства сохранили большую живучесть и значительные запасы творческих сил. Воевавшие страны после войны разделились на две группы—победителей и побежденных. Положение побежденных следует признать особенно тяжелым. Минувшая война была в особенности борьбою экономических сил; она велась с удивительным упорством «до истощения»; и если Германия и ее союзники оказались побежденными, то это прежде всего следует отнести на счет исчерпанности их экономических рессурсов. Но война наложила на побежденных и контрибуцию, что, конечно, должно было, с одной стороны, улучшить рессурсы победителей, а, с другой,—ухудшить еще больше положение побежденных. Война не пощадила и нейтральные страны: арифметически они выигрывали, так как цифры, характеризующие их хозяйственную

жизнь, сильно увеличивались во время войны. Но, смотря в дело глубже, следует признать, что экономически и они проигрывали, так как обогащавшая их война обрекала их на существование в условиях расстроенного мирового экономического общения. А, кроме того, прекращение войны сразу лишило их выгодных заказов и прибыльного посредничества, что создало для народных хозяйств нейтральных стран больные условия. Эти страны остались с ненормальными ценами, с раздутым денежным обращением и с сокращенным рынком для своей промышленности. Можно, в качестве примера, указать на положение испанской валюты. Золотой запас испанского эмиссионного банка на 30 мая 1914 г. составлял 522 милл. пезет; в начале 1921 г. он равнялся 2.461 милл. пезет. Паритет на Лондон составляет 25.22 пезет за 1 ф. ст. В конце 1918 г. курс пезеты был так высок, что за фунт ст. платили только 23.70 пезет, в конце 1919—19.60 пезет; но в конце 1920 г.—уже 26.44 пезет, в конце апреля того же года—28.40 пезет! Sic transit gloria mundi...

Все это показывает одно: в больных условиях мирового рынка не может быть счастливых исключений.

В странах воевавших—победивших и побежденных—к общим тяжелым условиям присоединились еще особо трудные задачи как по демобилизации людей, так и по демобилизации промышленности, по ликвидации того сложного «военного хозяйства», которое возмещало во время войны обычную нормальную народнохозяйственную организацию. Эти особые задачи в значительной мере осложняли восстановление нормальной экономической жизни.

Учитывая в должной мере всю совокупность неблагоприятных условий послевоенного периода, в течение которого народные хозяйства отдельных стран не только не могли воспользоваться заслуженным отдыхом и покоем после страшного напряжения во время войны, но должны

были напрягать все усилия к преодолению тяжелых последствий и вредных влияний войны, мы можем посмотреть на результаты экономических достижений послевоенного времени. Остановимся лишь на важнейших фактах, от которых зависит вся экономическая жизнь современных государств.

В области каменноугольной промышленности картина представляется в следующем виде:

	Добыча каменного угля, в милл. тонн:		
	1913 г.	1919 г.	1920 г.
Великобритания	287	229	229
Франция	41	24,4	25.2
Германия	191	108	135
Соед. Штаты	570	544	596

Цифры показывают, что, за исключением С.-А. Соед. Штатов, в главных промышленных странах добыча угля, по сравнению с довоенным временем, сократилась, для 1920 г. в Великобритании—на 20%, во Франции—почти на 40%, в Германии на 29%. Значительное повышение добычи в Соед. Штатах, конечно, не покрывает сокращения ее в главнейших европейских странах.

	Производство чугуна, в милл. тонн:		
	1913 г.	1919 г.	1920 г.
Великобритания	10,4	7,4	8,0
Германия	19,3	6,5	7,0
Соед. Штаты	30,9	30,5	36,4

И в этой области наблюдается приблизительно та же самая картина. Сокращение производства чугуна в Германии, в 1920 г. выразившееся в 63%, особенно разительно. И здесь повышенная добыча в Соед. Штатах не покрывает сильного недопроизводства в европейских странах.

В области стального производства картина носит те же самые типические черты.

	Производство стали, в милл. тонн:		
	1913 г.	1919 г.	1920 г.
Великобритания	7,8	7,9	9,0
Германия	18,9	6,8	—
Соед. Штаты	31,3	37,0	34,7

В этой сфере особенно тягостно положение Германии, стальное производство которой упало в 1919 г. почти на 70%.

В области стального производства место Германии спешит занять Франция. Для ее стальной промышленности обстоятельства после войны сложились весьма благоприятно. Во время войны сталелитейные заводы Франции попали в зону войны. Франции пришлось заново налаживать свою стальную промышленность. После войны у ней оказались в руках новые заводы, построенные во время войны, старые, вернувшиеся по очищении территории от неприятеля и значительная стальная промышленность вновь присоединенных провинций. Довоенное производство стали (около 5 милл. тонн) совершенно удовлетворяло рынок Франции. Теперь ее производство, вероятно, удвоится, что создает солидный экспортный фонд, способный покрыть необходимый для Франции ввоз иностранного угля.

Для характеристики экономического положения после войны полезно привести еще данные относительно положения хлопчатобумажной промышленности. Мировое потребление хлопка после войны сократилось По отчету секретаря The International Cotton Federation в течение полугодия, окончившегося 31 января 1921 г., мировое потребление хлопка составило 7.720.446 кип против 9.600.000 кип довоенного полугодия. Положение хлопчатобумажной промышленности в названном отчете характеризуется следующими данными.

В Великобритании получены отчеты о 51.382.892 прядильных веретен из общего числа в 56.351.570 вер. Для 40.357.522 веретен отмечено в отчете для полугодия, окончившегося 31 января 1921 г., «a short time», т. е. фабрики работали не полное количество рабочих часов в неделю. Статистически это означает, что вся английская индустрия в течение полугода не работала 6 недель по 48 часов.

Во Франции числится 9.600.000 веретен, из них 1.375.000 веретен совершенно приостановлены в силу разрушений во время войны. Многие фабрики работали «короткое время». Статистически вся промышленность в течение полугодия не работала 2,3 недели (48-часовых).

В Германии отчеты получены о 9.150.541 вер. из общей массы в 9.400.000 вер. В течение полугодия 2.750.000 вер. стояли, что означает приостановку всей промышленности на $7^1/_2$ недель.

В России с ее 7.100.000 вер. на 31 января 1921 г. работало только 750.000 прядильных веретен, остальные бездействовали все полугодие.

В Индии работали 6.763.076 пряд. веретен.

В Японии из 3.803.596 вер. отчеты получены о 3.077.279 вер. В течение полугодия, в среднем, не работали 674.582 вер., а 523.886 вер. работали «short time», не более 20 часов в неделю.

В С.-А. Соед. Штатах 36.051.000 веретен, из них работали 31.509.021 веретен. В декабре 1920 г. не работали 6 милл. веретен, в январе 1921 г.—4.541.979 веретен.

Такова статистическая картина положения хлопчатобумажной промышленности («The Economist», 2 апреля 1921 г.). Картина недопроизводства вырисовывается отчетливо, что, конечно, приводит к сокращению потребления и оборотов внешней торговли вывозящих стран. О последнем можно судить хотя бы по данным о внешней торговле Великобритании («The Econom.», апрель 23, 1921 г.).

Финансовая Академия при Правительстве Российской Федерации БИБЛИОТЕКА

Вывоз текстильных товаров из Англии в первую четверть:

1913 года	1.773	млн.	ярдов	на	24	млн.	ф. ст.
1920 „	1.123	„	„	„	65,7	„	„ „
1921 „	726	„	„	„	50	„	„ „

Вывоз пряжи за тот же период:

1913 года	53,0	млн.	фунтов	на	3,7	млн.	ф. ст.
1920 „	38,4	„	„	„	10,8	„	„ „
1921 „	24,5	„	„	„	6,1	„	„ „

В этих табличках, помимо сокращения количества вывоза, резко бросается в глаза сильное расхождение между количеством и ценою.

Приведенные данные о положении основных промышленностей ясно говорят о том, что в тяжелых условиях послевоенного времени создались условия недопроизводства; это в первую голову мешало, конечно, более быстрому оздоровлению пострадавших от войны народных хозяйств, когда и прямое потребление, и потребление в интересах воспроизводства нуждались в повышенных количествах народно-хозяйственного дохода.

III.

Революция цен.

Рассматривая движение производства и видя ясно выраженные черты недопроизводства, английский «The Economist» однажды заметил: «ясно, что довоенный standard для всего населения—невозможный идеал. После войны мы тратим много энергии в раздорах из-за распределения уменьшенного народно-хозяйственного дохода» (№ от 23 апреля 1921 г.). Невозможность достижения довоенного уровня жизни выражается в повышении товарных цен, сокращающих своею высотою рынок потребления и ео ipso рынок производства. В этом пункте начинается трагедия народного хозяйства, попадающего, так сказать, в circulus vitiosus. Вопросы количества неизбежно приводят к вопросам о ценах.

На Западе в особенности в странах с хорошо сохранившейся валютой, вопрос об изменении товарных цен, хотя бы и в скромных размерах, имеет огромное практическое значение. Для примера можно указать хотя бы на следующий случай. С января 1921 г. керосин в Англии дешевеет на 7 пенсов с галлона (ок. 4,5 литров), он теперь стоит 3 шилл. $5^1/_2$ пенсов вместо 4 шилл. $^1/_2$ пенса. Такое понижение цены (ок. 14%) дает населению Великобритании экономию в 23 милл. ф. ст. в год. При новой цене керосин будет все еще стоить в три раза дороже довоенного времени, когда галлон продавался по 1 шилл. 1 пенсу («Daily Express», 29 декабря 1920 г.). Понижение цены, конечно, расширит потребление керосина, сильно урезанное во время войны.

В области цен в послевоенное время наблюдалось два движения, одно—вверх, когда дороговизна, созданная войною, достигала своего апогея, и другое—вниз, воз-

вращающее товарные цены к нормальному уровню. Неустойчивость товарных цен и изломы в их движении сами по себе создавали нездоровую атмосферу для развития экономической жизни. Оба процесса—движение цен вверх и движение их вниз—отзывались болезненно на народно-хозяйственной жизни вообще, и в особенности на положении промышленности и торговли. Когда цены неудержимо ползли вверх, то широкая потребительская масса по необходимости должна была сокращать удовлетворение своих потребностей, т. е. понижать свой и без того пониженный войною уровень жизни (standard of the life). Сокращение потребления неизбежно приводило к сокращению производства, так как оно сжимало рынки сбыта. Одновременно с движением цен вверх вспыхивали забастовки рабочих, которым приходилось подстегивать повышение заработных плат. Одновременно и государственная власть не могла оставаться равнодушным зрителем: она стремилась поставить некоторые пределы вздорожанию предметов необходимости и широкого потребления. В этих целях государство и после войны долго удерживает систему принудительного регулирования хозяйственной жизни, систему твердых цен, карточек и т. д., словом, все те меры, которые в своей совокупности создают «Zwangswirtschaft». Эта система надевала на народное хозяйство корсет, от которого одетые в него организмы получали не только пользу, но и вред. Вместе с тем государству приходилось затрачивать большие суммы денег на то, чтобы удешевлять предметы первой необходимости. Такая система, доведенная в Италии и Австрии до крайних пределов, тяжелым бременем ложилась на государственный бюджет и приводила во многих государствах к дальнейшему усилению бумажно-денежной инфляции.

Когда же дороговизна достигла своего апогея, то товарные цены дрогнули и подались назад, и это обратное движение оказалось одинаково болезненным процессом

как и движение цен вверх. Понижение товарных цен как будто расширяло рынки сбыта, но и производители, и торговые посредники были завалены дорогими товарами, а потому они все оказались в затруднительном положении. Производство с трудом могло сообразоваться с падением товарных цен, так как оно было оплачено дорогим сырьем и высокими заработными платами. Попытки понизить заработные платы естественно приводили к новой волне забастовочного движения. Одновременно, учитывая скольжение товарных цен вниз, правительства отдельных стран приступили к снятию контроля над ценами. Это создавало повод для новой ломки цен и иногда приводило к таким грозным явлениям, как угольная забастовка в Англии в апреле—мае 1921 г.

О движении цен можно составить представление по многим статистическим данным. Мы сейчас остановимся на том индексе, который составляется в Англии министерством труда и представляет собою подсчет процентного возрастания статей расхода, составляющих существенное содержание бюджета рабочей семьи (пища, платье, отопление, освещение и т. д.). Цифры представляют собою процент вздорожания против цен довоенного времени.

	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Январь . .	10—15	35	65	85—90	120	125	165
Февраль .	15	35	65—70	90	120	130	151
Март . . .	15—20	35—40	70	90	115	130	141
Апрель . .	15—20	35—40	70—75	90—95	110	132	133
Май	20	40—45	75	95—100	105	141	128
Июнь . . .	25	45	75—80	100	105	150	119
Июль . .	25	45—50	80	100—105	105—110	152	—
Август . .	25	45—50	80	110	115	155	—
Сентябрь .	25	50	80—85	110	115	161	—
Октябрь .	30	50—55	75—80	115—120	120	164	—
Ноябрь . .	30—35	60	85	120—125	125	176	—
Декабрь . .	35	65	85	120	125	189	—

Из этой таблички видно, что в Великобритании кульминационным пунктом вздорожания жизни был ноябрь 1920 г., когда розничные цены на предметы первой необходимости были на 176% выше последних довоенных цен. Приведенный индекс составляется на основании розничных цен. Но движение оптовых цен, лежащее в основе движения розничных цен, представляет больший интерес, так как розничные цены далеко не сразу и не в полной мере отражают эволюцию оптовых цен. С другой стороны, против индекса розничных цен, публикуемого в «Labour Gazette», делаются довольно существенные возражения; указывают (например, статья «Cost of living» в «Morning Post», 22, XII, 1920 г.), что вычисления министерства труда составляются в предположении, что в потреблении не произошло никаких изменений и что рабочий по прежнему ест первосортное масло, мясо и т. д. На самом же деле не только рабочие, но и средний класс, питается теперь хуже прежнего, часто довольствуясь второсортными товарами и даже суррогатами.

Мы приведем индекс оптовых цен в той же Англии, составляемый и публикуемый газетой «Times». В этом индексе за основу взяты цены 31 декабря 1913 года, приравненные к 100%. Все товары, взятые для составления этого индекса, разделены на две основных группы: 1) продовольственные товары (20 товаров) и 2) промышленные товары (20 товаров). Для каждой группы составляется особый индекс и затем дается индекс для обеих групп—общий. Индекс газеты «Times» имеет то преимущество, что одновременно опубликовываются и оптовые цены соответствующих товаров, так что читатель может проверить index number, и сделать любые вычисления и комбинации. Вот индекс «Times'a»:

		Продовольственный	Промышленный.	Общий индекс.
Декабрь	31, 1913 года	100	100	100
„	31, 1918 „	255,0	223,7	239,3
„	31, 1919 „	286,1	307,8	296,9
Январь	31, 1920 „	291,9	335,0	313,4
Февраль	28, 1920 „	294,2	356,0	325,1
Март	31, 1920 „	309,3	348,7	329,0
Апрель	30, 1920 „	318,5	339,9	329,2
Май	31, 1920 „	329,1	317,6	323,4
Июнь	30, 1920 „	324,1	290,5	307,4
Июль	31, 1920 „	316,5	295,2	304,8
Август	31, 1920 „	304,7	293,1	298,9
Сентябрь	30, 1920 „	310,1	280,1	295,1
Октябрь	31, 1920 „	309,8	270,4	290,1
Ноябрь	30, 1920 „	286,6	228,9	257,7
Декабрь	31, 1920 „	272,9	207,8	240,3
Январь	31, 1921 „	246,7	182,6	214,7
Февраль	28, 1921 „	227,5	161,2	194,4
Март	31, 1921 „	227,7	150,9	189,4
Апрель	30, 1921 „	225,2	153,7	189,4

Из этой таблицы видно, что максимум вздорожания в области продовольственных товаров наступил в Англии в мае 1920 г., в области промышленных товаров—в феврале того же года. С мая и февраля оптовые цены пошли вниз, но розничные цены, как это показывает предшествующая таблица, продолжали расти до ноября 1920 г. Скольжение оптовых цен промышленных товаров было более резкое, нежели продовольственных, и это скольжение в самом конце 1920 г. и в начале 1921 г. приняло особенно резкий характер.

Теперь приведем данные относительно движения реальных оптовых цен на некоторые товары.

	31 дек. 1913 г.	31 дек. 1919 г.	31 дек. 1920 г.	31 марта 1921 г.
Пшеница английск. средн. 480 ф.	31 ш. 1 п.	72 ш. 6 п.	86 ш. 9 п.	88 ш. 7 п.
Маис Ла-Плата 480 ф.	24 ш.	67 ш. 6 п.	57 ш. 6 п.	53 ш.
Ячмень английск. средн. 480 ф.	26 ш. 2 п.	105 ш. 10 п.	72 ш. 7 п.	51 ш. 2 п.
Овес англ. средн. 312 ф.	18 ш. 2 п.	57 ш. 2 п.	42 ш. 9 п.	35 ш. 11 п.
Мука G. R. 280 ф.	26 ш. 6 п.	44 ш. 3 п.	80 ш.	68 ш
Картофель англ., тонна.	3 ф. 2 ш. 6 п.	13 ф. 10 ш.	11 ф. ст.	11 ф. ст.
Рис № 2, Burma, квинтал	9 ш. 6 п.	26 ш.	36 ш.	—
Сахар англ., рафин., кв.	17 ш. 9 п.	72 ш.	76 ш.	73 ш.
Чай, кит., средн. фунт	9 1/8 п.	1 ш. 10 1/2 п.	1 ш. 1 1/2 п.	—
Кофе, Costa Rica, средн., кв.	69 ш.	152 ш. 6 п.	120 ш.	—
Какао, средн., кв.	62 ш. 6 п.	98 ш.	73 ш. 6 п.	—
Мясо, англ. 8 ф.	4 ш. 2 п.	10 ш.	11 ш. 10 п.	11 ш.
Баранина, ввозная 8 ф.	2 ш. 10 п.	7 ш.	5 ш.	—
Бэкон, ирланд., кв.	75 ш.	200 ш. 6 п.	230 ш.	210 ш.
Сыр, англ., ф.	8 3/4 п.	1 ш. 5 1/2 п.	1 ш, 5 1/2 п.	1 ш. 4 1/2 п.
Масло, датское, кв.	131 ш. 6 п.	252 ш.	336 ш.	—
Яйца, англ., 120	16 ш.	50 ш.	33 ш. 4 п.	23 ш.
Хлопок, амер. средн., ф.	7.14 п.	30.75 п.	9.90 п.	8.02 п.
Шерсть меринос. ф.	10 3/4 п.	50 п.	18 п.	—
Джут. перв. сорт, тонна	35 ф. 10 ш.	65 ф. ст.	39 ф. ст.	—
Каучук, ф.	2 ш. 4 п.	2 ш. 10 1/2 п.	10 1/4 п.	—
Копра, Straits, f. m., тонна	30 ф. 5 ш.	63 ф. 10 ш.	40 ф. 10 ш.	—
Кожа, анг. быч. first, ф.	6 3/8 п.	16 1/2 п.	7 1/8 п.	—
Льняное масло, тонна	24 ф. 15 ш.	108 ф.	41 ф.	—
Керосин, галлон.	8 1/2 п.	1 ш. 9 1/4 п.	2 ш. 3 1/2 п.	—
Скипидар, квинтал	32 ш. 4 1/2 п.	158 ш.	100 ш.	—
Медь, стандард, тонна	65 ф. 3 ш. 9 п.	113 ф. 7 ш. 6 п.	71 ф. 17 ш. 6 п	—
Олово, станд., тонна	169 ф. 10 ш.	341 ф. 17 ш. 6 п.	205 ф. 15 ш.	—
Свинец, иностр., тонна	18 ф. 3 ш. 9 п.	45 ф. 11 ш. 3 п.	23 ф. 10 ш.	—
Цинк, тонна	21 ф. 11 ш. 3 п.	56 ф. 17 ш. 6 п.	26 ф.	—
Чугун, Clevl., № 3, тонна	50 ш.	160 ш.	225 ш.	150 ш.
Стальн. рельсы, тяжел., тонна	6 ф. 10 ш.	17 ф. 15 ш.	25 ф.	15 ф. 10 ш.
Уголь, пароходн., экспорти.	20 ш. 3 п.	110 ш.	90 ш.	57 ш.
Кокс, домени., тонна.	18 ш. 6 п.	48 ш.	62 ш. 9 п.	—

Таблицы оптовых цен в Англии, как и индекс, показывают, что в 1920 г., именно, в конце года, в области цен произошел резкий сдвиг вниз, оказавшийся чреватым по своим последствиям для мирового хозяйства. Особенно резкий сдвиг был в области хлопчатобумажной промышленности. «Trade circular», публикуемый Fr. W. Tattersall (Манчестер), дает специальный индекс для хлопка; в этом индексе цены 31-го июля 1914 г. приняты за 100%. С средины ноября 1920 г. до средины декабря того же года индекс хлопка показал следующее движение: америк. хлопок понизился с 241 до 194%, америк. пряжа—с 359 до 287, ткани—с 322 до 266; египетский хлопок—с 471 до 329 и пряжа с 338 до 265; общий индекс, обнимающий хлопок-сырец, пряжу и ткани, показал движение за месяц—с 346% до 268%. («The Econom». Дек. 18, 1920 г.). Такое падение цен оказалось роковым для текстильной промышленности, скоро оказавшейся во власти промышленного кризиса.

Падение товарных цен, в особенности оптовых, было всеобщим. В соед. Штатах в течение осени 1920 г. 12 основных товаров, включаемых в «Price table of the Federal Reserve Bank of New-York» (хлеб, сахар, медь, чугун, хлопок, свинец и т. д.), показали падение цен на 33% против высшей точки (май 1920 г. «Manchester Guardian», 1920, XII, 30).

IV.

Индексы и дороговизна.

Движение товарных цен повсеместно составляет предмет настойчивого внимания. Почти во всех странах товарные цены сделались предметом организованного изучения в таком масштабе, какой был неизвестен до мировой войны. До войны так называемые числа-показатели (index-number) составлялись по отношению к товарным ценам в редких случаях и в очень немногих странах. После войны составление индексов сделалось обычным явлением. В настоящее время индексы товарных цен составляются и публикуются во всей почти Европе и Америке, часто правительственными учреждениями, иногда частными организациями, напр., редакциями газет, как-то: «The Economist», «The Times», «Frankfurter Zeitung». Теперь насчитывается около 45 таких обсерваторий товарных цен [1]), и наблюдателю мирового хозяйства удобно следить за одним из самых существенных и наглядных показателей состояния мировой кон'юнктуры. Так как в настоящее время вопросы дороговизны касаются всех и каждого, то неудивительно, что индексами пестрят страницы общих газет и они вызывают оживленные комментарии.

К сожалению, мы располагаем далеко не полными данными о современных индексах. В Соединенных

[1]) Об индексах см. *Р. Майо-Смит.* Статистика и экономия. Перев. М. 1902. Стр. 215 сл. Указана литература; *Nitti* «La misura delle variazioni di valore della moneta» в «Reforma Sociale», 1895, указана литер.; новейшее издание: *Irving Fisher* «Stabilising the Dollar», указана литер., приведен анализ 13 индексов; «Die indexziffern der Frankfurter Zeitung», изд. «Frankf. Ztng.» 1920; Statistical indices of business conditions», статья M. Copeland в «Quart. Journal of economis, May 1915.

Штатах пользуются популярностью два индекса: один — Bradsteet'a и другой, публикуемый от имени Bureau of Labour of the Un. States. По первому из указанных индексов, в Соед. Штатах максимальные товарные оптовые цены были отмечены на 1 февр. 1920 г. На 1 янв. 1921 г. индекс показывал 12,6631, что против 1 февр. 1920 г. было на 39% ниже. На 1 февр. 1921 г. индекс показывал 12,3689, т. е. на 2,37 ниже 1 янв. и ниже на 40,7% против высшей точки (1 февр. 1920 г.). Февральский индекс был выше нормальных цен 1914 г. на 40%. Таким образом, от военной дороговизны в феврале 1921 г. в С.-А. Соедин. Штатах оставалось всего только 40%. В настоящее время это—наиболее дешевая страна, быстро справившаяся с мировым под'емом товарных цен благодаря своим большим промышленным силам и устойчивости своей валюты.

Индекс «бюро труда» дает для той же страны несколько иные числа. В области оптовых цен в феврале 1921 г. индекс показывал 167%, в марте 162% (март 1920 г. был выше на 36%). Март 1921 г. был ниже на 40% наиболее дорогого месяца в Соед. Штатах, каким был, по этому индексу, март 1920 г. Таким образом, в марте 1921 г. в Соед. Штатах дороговизна, по сравнению с довоенным временем определилась в 62%. В марте 1921 г. товарные цены упали по сравнению с наиболее дорогим месяцем (март, 1920 г.) в области продовольствия на 39%, цены на платье и материал—46%, фермерские продукты—на 48%.

Розничные цены отстали от оптовых цен: в то время как оптовые упали за год (с марта по март) на 36%, розничные цены понизились только на 22% («The Economist», 7 мая 1921 г.).

В добавление к данным о движении товарных цен в Англии, приведенным в предшествующей главе, можно дать интересную таблицу, составленную «The Economist'ом» и показывающую движение оптовых цен в

Англии со дня заключения перемирия. Цены момента заключения перемирия приняты за 100%.

Конец месяца.	Хлеб и мясо.	Другие продовольств. товары.	Текстильные товары.	Минеральные товары	Разные товары.	Общий индекс.
Ноября 1918 г. .	100	100	100	100	100	100
Марта 1919 г. .	100	100	81	94	93	92
Сентября 1919 г. .	108	104	107	116	97	106
Декабря 1919 г. .	112	113	132	126	104	118
Марта 1920 г. .	117	116	161	138	123	134
Августа 1920 г. .	111	118	136	144	112	124
Сентября 1920 г.	117	119	128	145	110	123
Октября 1920 г. .	121	115	104	145	104	116
Ноября 1920 г. .	115	111	89	139	96	106
Декабря 1920 г.	104	103	69	134	92	95
Января 1921 г. .	100	102	64	125	87	90
Февраля 1921 г. .	91	99	56	116	82	83
Марта 1921 г. . .	94	93	56	111	81	82
Апреля 1921 г. .	93	93	56	104	76	79
Мая 1921 г. . .	93	89	54	107	77	79

Французский индекс составлен на базе оптовых цен 1901—1910 г.г., которые приняты за 100%. Максимальной точкой движения товарных цен вверх был сентябрь 1920 г., когда индекс показывал 607,5%, т. е. дороговизна составила 507%.

Сентябрь	1920 г.	607,5
Октябрь	1920 „	581,5
Ноябрь	1920 „	532,6
Декабрь	1920 „	502,6
Январь	1921 „	470,0
Февраль	1921 „	434,3
Март	1921 „	411,9

Розничные цены понижались медленнее. Максимум движения розничных цен вверх был достигнут во Франции в ноябре 1920 г., т. е. в то время, когда оптовые цены пошли уже вниз. Если за 100% взять розничные

цены 13 *продовольственных* товаров в Париже, то движение индекса будет:

Октябрь	1920 г.	420
Ноябрь	1920 „	426
Декабрь	1920 „	424
Январь	1921 „	410
Февраль	1921 „	382
Март	1921 „	358

За одинаковый период времени оптовые цены во Франции упали на 32%, а розничные только на 15%. Это отставание розничных цен характерно для всех стран. В дополнение интересно привести таблицу движения реальных оптовых цен во Франции (во франках).

Товарные цены во Франции на важнейших рынках.

	Июль 1914 г.	Апрель 1920 г.	Ноябрь 1920 г.	Март 1921 г.
1. Хлопок	87	805	285	220
2. Шерсть	233	1,550	890	550
3. Шелк японский	47	420	220	145
4. „ французский	56	470	250	155
5. Лен	110	2,600	900	450
6. Резина Para	7.50	13.25	9.15	5.45
7. Тяжелая кожа	65	350	160	88
8. Легкая кожа	130	900	360	275
9. Медь	160	702	548	416
10. Олово	397	2,140	1,462	1,010
11. Свинец	56	295	194	120
12. Цинк	60	315	211	160
13. Кофе	60	303	155	112
14. Перец	75	285	225	140
15. Какао	120	400	210	155
16. Рис „Caroline“	65	440	300	160
17. Рис Сайгон.	25	320	145	75
18. Франц. фасоль	40	125	115	70
19. Зеленый горох	30	135	125	85
20. Фр. оливковое масло	160	1,200	950	520
21. Репное масло	73	685	425	270
22. Льняное масло	60	625	475	250
23. Вино	22	118	85	50
24. Нитрат соды	24	150	120	113

Таблица показывает необычайные изломы почти каждой категории цен. В марте 1921 г. оптовые цены вдвое, втрое и в некоторых случаях в 4 раза были выше довоенных. Но в марте 1921 г. против марта 1920 г. они вдвое ниже, а иногда понижение было и более значительным. Для оценки французских цен следует принять во внимание значительное обесценение французского, ныне бумажного, франка.

Составление индекса товарных цен в Германии было предпринято только с 1 января 1920 г., так как до этого момента здесь господствовала система «Zwangswirtschaft», выражавшаяся, между прочим, в правительственном регулировании товарных цен. В германском индексе, составленном редакцией «Frankfurter Zeitung», за 100% приняты цены на 1 янв. 1920 г. Поэтому индекс имеет следующий вид:

	Продовольствие.	Текстильные товары.	Минеральные.	Смешанная группа.	Общий индекс.
Индекс мирного времени.	11.38	3.67	7.15	12.0	9.10
1 января 1920 г.	100	100	100	100	100
1 февраля 1920 г. . . .	117	154	143	128	131
1 марта 1920 г.	130	193	163	144	147
1 апреля 1920 г.	133	161	137	144	146
1 мая 1920 г.	133	110	133	138	142
1 июня 1920 г.	152	110	116	214	149
1 июля 1920 г.	152	86	113	214	144
1 августа 1920 г.	153	107	114	213	146
1 сентября 1920 г. . . .	132	115	118	249	141
1 октября 1920 г. . . .	143	111	125	203	149
1 ноября 1920 г.	149	111	119	203	152
1 декабря 1920 г. . . .	153	133	118	203	156
8 января 1921 г.	154	97	120	189	148
5 февраля 1921 г. . . .	144	92	113	183	136
5 марта 1921 г.	137	87	111	182	131
2 апреля 1921 г.	136	79	115	180	130
7 мая 1921 г.	—	—	—	—	132
4 июня 1921 г.	—	—	—	—	128

В смешанную группу товаров германского индекса входят: машинное масло, керосин, бензин, бумага, цемент, спирт, смола, дерево, химические товары. В индексе обращает на себя внимание резкое повышение товарных цен с января на февраль 1920 г., что находится в связи с паническим настроением рынка. Общая тенденция в развитии товарных цен в Германии сводится в 1920 г. к непрерывному их повышению, в общем за год на 50%; в это время в Англии они спустились на 11%. Резкое различие в уровне цен Англии и Германии, сравнительно с довоенными ценами, объясняется, главным образом, обесценением германской марки. Официальный индекс дороговизны был для мая 1921 г.—880%, для апреля 1921 г.—894%. В этом индексе довоенные цены взяты за 100%.

В 1921 г. товарные цены стали падать в Германии. Цены падают нерегулярно. В розничной торговле особенно сильно упали цены на текстильные товары и готовое платье. Ниже мы приводим табличку германских розничных цен за два момента, в марках и пфенигах за 1 метрический фунт (= 1/5 русского фунта).

	Высшая в 1920 г.	Март 1921 г.
Рис	4,70	2,70
Овс. мука	4,20	2,80
Свиное сало	22,—	12,—
Солонина	13,—	6,—
Кофе Santos	35,—	23,—
Какао	28,—	18,—
Соль	0,45	0,35
Бобы	3,50	1,10
Горох	4,80	2,00
Оливк. масло	38,—	20,—
Мыло	15,—	7,50
Сахар	2,38	4,20
Хлеб, 1500 гр.	4,00	4,—
Спички, 10 к.	3,50	2,40
Сельди, шт.	1,75	0,64

В этой таблице цена солонины поставлена за 1 английский фунт, цена оливкового масла за литр. Цены

на сахар и хлеб нормированы, нормировано и количество, продаваемое на душу.

В области цен на промышленные товары укажем, напр., что к средине марта 9121 г. цена на хлопок-сырец упала до 18½ марок за кило, вместо 27½ мар. на 31 дек. 1920 г. и 53½ мар. на 1 янв. 1920 г. Пряжа—до 45 и 40 м., вместо максимальных 170—175 на 1 марта 1920 г.; ткань до 6,60 м.—8,60 м. за метр против 17—26 м. на 1 марта 1920 г. Настоящий шелк к средине марта 1920 г. стоил 800 м. кило вместо 3.100 м. в марте 1920 г., искусственный шелк 220 м., вместо 660 м., подошвенная кожа—50—65 м. кило вместо 140—150 м. и т. д.

В *Австрии*, где обесценение валюты приняло катастрофические размеры, в Австрии, от которой осталась площадь менее Ирландии и которая представляет собою, по выражению английского «Economist»», «душу без тела» (в старой империи было 51 милл. жителей, в современной Австрии—6 милл., из коих ⅓ приходится на Вену), цены развивались в разлагающейся среде бумажного хозяйства. Правительство шло на огромные финансовые жертвы в целях удешевления жизни. Вот краткая справка («The Economist», 26 февр. 1921 г.) о движении цен в Вене.

	Накануне войны.	В февр. 1921 г.
Булки	0,33 кроны.	6,60 крон.
Мука	0,47 „	11,20 „
Сало	1,88 „	160,— „
Сахар	0,84 „	180,— „
Рис	0,68 „	60.— „
Картофель	0,18 „	10,— „
Яйца	0,09 „	9,— „

В *Италии* составление индексов налажено не совсем удовлетворительно. Если взять цены 1901—05 г.г. за 100%, то в ноябре 1920 г. индекс показывал 844,41; в феврале 1921 г.—770,45. Цены спускались в тех областях, где особенно почувствовалась конкурренция дешевых иностранных товаров. Проф. Bachi составил индекс, взяв за основу, за 100%, цены 1920 г. У него получился следующий индекс, характеризующий момент перелома цен в сторону понижения:

	Ноябрь 1920 г.	Дек. 1920 г.	Янв. 1921 г.	Февр. 1921 г.
Растительные продукты	107,7	106,9	106,7	103,9
Животные „	124,1	126,4	120,7	119,5
Химические товары	107,7	102,8	98,1	86,3
Текстильные „	94,0	81,9	77,4	65,4
Минералы и металлы	101,4	92,7	88,2	79,5
Строительные материалы	112,6	112,6	113,3	117,0
Различные товары	105,2	106,8	107,1	106,7
Общий индекс	107,33	104,97	102,89	97,93

В Италии перелом цен был очень слабый; это об'ясняется отчасти противодействием падающей валюты и сильным экономическим расстройством, в особенности после неспокойной осени 1920 года.

Для характеристики дороговизны в нейтральных странах можно привести индекс Дании. Здесь официальный индекс на январь 1921 г. показывал 264%, т. е. вздорожание против 1914 г. составило 164%. Вот интересная таблица, показывающая движение цен на предметы первой необходимости и движение необходимых расходов, оцененных в июле 1914 г., в 2.000 датских крон.

	Июль 1914 г.	Июль 1920 г.	Янв. 1921 г.	+
Продовольствие	950 кр.	2.408 кр.	2.625 кр	176%
Одежда, обувь	270 „	959 „	789 „	129%
Жилище	285 „	371 „	371 „	30%
Отопление, освещение	100 „	563 „	578 „	478%
Налоги и др. расходы	210 „	476 „	512 „	144%
Др. расходы	185 „	457 „	414 „	124%
Всего	2.000 кр.	5.234 кр.	5.289 кр.	

В Норвегии в феврале 1921 г. индекс показывал 341,4%, в марте—338,2. Устойчивость цен об'ясняется ухудшением курса норвежской кроны по отношению к валюте тех стран, откуда Норвегия, главным образом, получает товары (Англия, Америка, Швеция, Дания). Розничные цены еще не испытали серьезного понижения («The Economist, 9 апр. 1921 г.).

В Канаде средняя стоимость основных товаров в 60 городах определялась на

1 января	1914 г.	7.73	долл.
1 „	1919 „	13.78	„
1 „	1920 „	15.30	„
1 „	1921 „	14.48	„
1 февраля	1921 „	14.08	„

Дороговизна в Канаде в феврале 1921 г. составляла около 100% по отношению к довоенному времени. Дороговизна охватила весь мир, она проникла вглубь Африки, где, как, напр., в Конго, жители стонут от высоких цен и от падения покупательной силы денег не меньше, если не больше, нежели на европейском континенте. Приведенные индексы в общем отмечают однообразную картину движения товарных цен. Различие в размерах дороговизны сводится, главным образом, к различию в степени обесценения денежной единицы, подчеркивая этим огромную роль бумажноденежного фактора в образовании товарных цен.

В заключение этой статистической главы приведем данные о росте дороговизны в России, опубликованные в № 26 «Бюллетеней отдела статистики труда при петроградском отделе труда и совета профессиональных союзов» (за 1921 г.). В этом бюллетене напечатана статья Л. Пушновой: «Вздорожание жизни в Петрограде в 1914—1920 году». В основу исчислений положена стоимость пайка, состоящего из 1 1/2 ф. черного хлеба, 1/2 фунта белого, 1/4 ф. пшена, 1/2 ф. говядины, 1/8 ф. жиров, 1 1/2 ф. картофеля, 1/8 ф. сахара. Такой

паек в 1913 г. и в 1914 г. в среднем стоил 26 коп. (0,26 руб.). С 1915 г. по 1920 г. включительно стоимость этого пайка изменялась следующим образом, в рублях:

	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
1 января . . .	0,25	0,34	0,53	—	111	1615
1 февраля . . .	0,28	0,34	0,61	—	96	1687
1 марта	0,28	0,34	0,74	—	115	2060
1 апреля . . .	0,30	0,35	0,76	—	162	2307
1 мая	0,31	0,34	0,90	28	175	2377
1 июня	0,31	0,35	0,96	32	222	2781
1 июля	0,30	0,35	—	44	259	3073
1 августа . . .	0,31	0,36	—	43	398	3642
1 сентября . .	0,32	0,42	—	46	362	3869
1 октября . . .	0,33	0,42	—	50	539	4226
1 ноября . . .	0,33	0,48	—	54	1165	4307
1 декабря . . .	0,36	0,49	—	60	1349	4870

Это, конечно, не индекс, но таблица достаточно показательна для характеристики движения петроградских вольных розничных цен за охваченный ею период времени.

В той же статье «Бюллетеней» приводится аналогичная таблица движения цен на Кубани, опубликованная статистико-экономическим отделом ведомства торговли и промышленности кубанского краевого правительства. В основу этой таблицы положена стоимость в рублях пайка, состоящего из 1 ф. белого хлеба, 0,8 ф. темного, 0,1 ф. пшена, 0,33 ф. говядины, 0,33 ф. подсолнечного масла, 0,1 ф. свиного сала, 1 ф. картофеля, 0,12 ф. муки, 0,5 ф. капусты, 0,1 ф. др. овощей, 1/3 бут. молока или 0,42 ф., 0,05 ф. др. молочных продуктов, 1/3 шт. яиц или 0,04 ф., 0,01 ф. сахара, 0,02 ф. чаю и кофе, соли 0,07 ф. (3600 больших калорий). Средняя стоимость такого пайка в 1913 г. и в 1914 г. равнялась 0,23 руб.

	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.
Январь	0,24	0,31	0,67	2,19	6,09
Февраль	0,25	0,31	0,77	2.12	7,99
Март	0,25	0,33	0,85	2,18	9,97
Апрель	0,27	0,36	0,87	2,11	10,65
Май	0.26	0,35	0,96	2,20	12,25
Июнь	0,26	0,36	1,09	2,68	11,54
Июль	0.25	0,37	1,03	2,82	11,31
Август	0,23	0,38	1,06	3,03	13,09
Сентябрь	0,24	0,47	1,30	2.67	14,53
Октябрь	0,25	0,50	1,51	4,02	18,46
Ноябрь	0,28	0,54	1,71	4,26	26.16
Декабрь,	0,30	0,58	1,82	5,33	37,09

Стоимость кубанского пайка, при замене белого хлеба черным, в Петрограде на 1 января 1920 г. равнялась 1289 руб., т. е. в Петрограде цены возрасли в 35 раз больше, чем на Кубани.

Ясно, что в образовании петроградских и кубанских розничных вольных цен огромную роль сыграль бумажноденежный фактор. Здесь образование цен шло тем же путем, как в Австрии, Польше, а отчасти и в Германии, Италии и даже Франции. Во всех названных странах очевидно преобладание бумажноденежного фактора в образовании товарных цен.

V.

Кризис „перепроизводства“.

Непрерывное повышение товарных цен, в особенности в тех странах, где валюта была наиболее устойчива и откуда, главным образом, товары шли на мировой рынок, не могло продолжаться ad infinitum. Конец такому положению вещей должен был придти, и такой конец пришел поздней осенью 1920 г. в форме сильного и сложного кризиса. Рост товарных цен сокращал емкость как внутреннего, так и внешних рынков и ставил непреодолимые преграды для производства. Интересно отметить, что географическим пунктом, откуда кризис пополз по всему миру, была Япония, и первой ее промышленностью, очутившейся во власти кризиса, была текстильная. Выступление японской текстильной промышленности на мировой рынок значительно было облегчено условиями мировой войны, когда в силу известных причин страны нейтральные, или мало принимавшие активное участие в войне, занимали на мировом рынке места, ранее занятые старыми промышленными государствами, ныне поглощенными войною. Прекращение войны и освобождение промышленных сил старых индустриальных стран для целей снабжения мирового рынка в первую голову ударило по новым позициям молодых стран. Такой удар делал их особенно чувствительными для всякого движения на мировом рынке.

Но японский кризис был, конечно, только сигналом, а не причиной мирового кризиса. Основной причиной кризиса было столь значительное повышение товарных цен, которое в конце концов превысило покупательную способность рынка. Один из промышленных деятелей

Англии следующим образом описывает начало кризиса: провал (slump) начался с импортера сырого материала, закупившего сырье по высокой цене. Для закупок тех же самых количеств хлопка импортер естественно нуждался в более значительных количествах капитала. Прядильщик был ближайшим по очереди, кто ощутил трудность положения, так как он должен был готовить пряжу из очень дорогого материала. Дорогая пряжа перешла к фабриканту тканей и таким образом блокировала его. Фабрикант тканей в свою очередь блокировал купца, а купец—розничного торговца и корабельщика. Такое поступательное движение было прервано благодаря двум обстоятельствам: трудности финансового положения и провалу в торговле в силу падавших цен. Если бы дорогие товары в конце концов перешли в руки потребителя, то это означало бы, что все члены промышленного сообщества более или менее благополучно отделались от дорогих товаров. Это принесло бы облегчение и финансовой натянутости, так как банки были бы в состоянии ссудить денег еще больше и все фирмы вошли бы в свежие соглашения. Но дорогой товар не доходил до потребителя, которому он был совершенно не по карману («Glut of cotton goods. Continent too poor to buy». «Times». 31. XII. 1920 г.).

Таким образом, при общем неудовлетворительном положении народных хозяйств руководящих промышленных стран, созданном недопроизводством, возник странный кризис перепроизводства. Кризис перепроизводства был вызван слишком повысившимися товарными ценами, а слишком высокие цены в свою очередь в значительной мере были созданы недопроизводством. Получился заколдованный круг причин и последствий, и мировой рынок ощутил самый настоящий кризис со всеми его тяжелыми последствиями.

Сокращение потребления, вызванное, главным образом, уменьшением покупательной силы населения почти

всех стран, ставило преграды производству и — что особенно важно отметить — мешало производству достигнуть производительности довоенного времени, а это являлось одним из существенных условий сокращения размеров дороговизны. Сокращение потребления заставляло регрессировать производство. В 1919—20 году мировое производство чая оказалось, напр., на 25% выше потребления. Сокращение потребления обязано, главным образом, сокращению спроса из центральной Европы и невозможности ввоза чая в Россию. Война же создавала повышенный спрос на чай, так как чаем снабжались многочисленные армии. Культура чая за время войны сильно возросла. Выход чаев в Индии в 1898 г. был 157½ милл. ф., а в 1918 г.—380 милл. фунтов (английских). Вывоз чаев из Индии в 1913—14 г. составил 293,5 милл. ф., в 1918—19 г.—357,7 милл. ф. и в 1919—20 г.—379,2 милл. ф. («Times». 15. XI. 1920 г.). Сюда же нужно присоединить повышенные урожаи других чайных районов, напр., Китая, который, стремясь поощрить вывоз своих чаев, с октября 1920 г. отменил вывозную пошлину на два года, падавшую на фунт чая в размере около ¾ пенса. Ясно, что этому прогрессу чайного дела, обещавшему более обильное, нежели до войны, снабжение мирового рынка, значительное сжатие потребления угрожает неприятными последствиями.

О том, как отозвалось сильное падение цен мирового рынка на производстве, можно судить по целому ряду весьма наглядных примеров. Остановимся сначала на движении цен английского чугуна (Pig iron Cleveland № 3), в шиллингах за тонну:

31 декабря	1913	года	50
31 „	1919	„	160
31 „	1920	„	225
31 января	1921	„	215
28 февраля	1921	„	195
31 марта	1921	„	150
21 апреля	1921	„	120

Такое резкое понижение цен на чугун, в особенности в начале 1921 г., ясно носит на себе следы болезненного процесса и не могло, конечно, пройти без тяжких последствий для промышленности. Дорогой чугун совсем не находил себе сбыта и заводчики, склонившись перед неизбежным, были вынуждены сразу и значительно понизить цены: с 1 марта сразу сброшено 45 шилл. с тонны («The Economist» April 9, 1921 г.). Но одновременно с падением цены упало и производство, как это можно видеть из следующих данных, в тысячах тонн:

	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Январь	661	665	642
Февраль	626	645	464
Март	691	699	385
За три месяца	1.978	2.009	1.391

Если сопоставить движение цен и движение тонн, то картина получается настолько ясная, что она не требует комментариев.

Возьмем другой пример. Остановимся на стальной промышленности той же Англии. Движение цен на стальные рельсы, за тонну, шло следующим образом:

31 декабря 1913 года	6 фунт.	10 шилл.
31 „ 1919 „	17 „	15 „
31 „ 1920 „	25 „	— „
31 января 1921 „	21 „	— „
28 февраля 1921 „	18 „	— „
31 марта 1921 „	15 „	10 „
23 апреля 1921 „	15 „	— „

Теперь сопоставим цифры, характеризующие производство стали, в тыс. тонн:

	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Январь	718	754	493
Февраль	734	798	483
Март	758	840	358
	2.210	2.392	1.334

Положение с каменным углем оказалось еще более сложным. Движение цен на каменный уголь подчинилось общей тенденции мирового рынка, т. е. цены стали быстро падать. Для английской каменноугольной промышленности на этой почве возникли самые серьезные затруднения. Вот движение цен в Англии, за тонну:

	Уголь пароходный экспортн.	Кокс.
31 декабря 1913 г.	20 шилл. 3 п.	18 шилл. 6 п.
31 „ 1919 „	110 „ — „	48 „ — „
31 „ 1920 „	90 „ — „	62 „ 9 „
31 января 1921 „	57 „ 6 „	59 „ 6 „
31 марта 1921 „	57 „ — „	— „ — „

Каменноугольная промышленность в Англии находилась под государственным «контролем», который должен был сохранить силу до 31 августа 1921 г. В силу этого контроля правительство регулировало цены на внутреннем и на внешнем рынках. Оно держало цены внутреннего рынка на довольно низком уровне и по дорогой цене продавало уголь за границу, получая таким путем значительные средства для финансирования каменноугольной промышленности. Львиная доля экспорта во время войны и после войны шла во Францию. К марту 1921 г. обозначилось сильное расхождение между внутренними и внешними ценами на уголь, последние стали быстро падать. Франция начала получать большое количество угля из Германии, и английский дорогой уголь не находил сбыта. Пришлось значительно понижать цены на экспортный уголь. Вследствие этого исчезла та экспортная прибыль, которая позволяла правительству финансировать промышленность, и это заставило его снять контроль, не дожидаясь установленного ранее срока: вместо августа в марте. В то время, как цены мирового рынка падали, добыча угля в Англии значительно увеличивалась. Увеличение добычи в конце

1920 г. об'яснялось тем, что после октябрьской забастовки шахтеров рабочие сильно увеличили свою производительность. Производительность труда до октября обещала годовую добычу в 232 милл. т., а после октября—в 262 милл. тонн.

Цены резко упали, напр., Type coal с 150 шилл. за тонну до 50 ш., южно-уэльский пароходный уголь — с 115 ш. до 60 ш. В 1913—14 г. издержки производства в Ю. Уэльсе составили 10 ш. на тонну, а теперь они были 50 ш. Так как заработная плата в цену угля входит в размере 80%, то естественно падение цены должно было сократить заработные платы. Неожиданное снятие «контроля» с угля, революция цены, необходимость сжатия заработных плат, все это повело к затяжной каменноугольной забастовке в Англии, которая совсем застопорила промышленность угольную и рикошетом ударила по всей британской индустрии и торговле (см. «The Economist», 26. II. 1921).

Резко сократились цены и других промышленных товаров. Вот, напр., движение цен на хлопок в Англии (американский хлопок fully mid.) за фунт в пенсах:

31 декабря	1913	года	7,14
31 „	1919	„	30,75
31 „	1920	„	9,40
31 января	1921	„	9,40
31 марта	1921	„	8,02

Менее поддались общему течению цены на хлеб и мясо. В Америке и эти цены сильно упали, угрожая сокращением посевной площади, но в Европе, опирающей свое потребление хлеба на американский рынок и чувствующей, что этот рынок один не в силах прокормить ее, хлебные цены должны были оставаться на высоком уровне для того, чтобы дать возможность местному сельскому хозяйству производить максимальные количества хлеба. Поэтому, напр., в Англии хлебные цены правительством поднимались в то время, когда в

Америке они падали. Вот хлебные цены Англии за английскую среднюю пшеницу, за 480 ф.:

31 декабря	1913 г.	31 ш.	1 п.
31 „	1919 „	72 „	6 „
31 „	1920 „	86 „	9 „
31 января	1921 „	85 „	4 „
28 февраля	1921 „	74 „	7 „
31 марта	1921 „	88 „	7 „

Для внутренней пшеницы английское правительство установило предельную цену в 95 шилл. за квартер.

Так же устойчивы цены в Англии и на мясо: 8 фунт. английского мяса 31 дек. 1913 г. стоили 4 ш. 2 п., в конце 1919 г.—10 ш., в конце 1920 г. 11 ш. 10 п. На этом же уровне цена стояла в конце января 1921 г. и 31 марта—11 ш. Разумеется, устойчивость цен на хлеб и мясо не могла быть благоприятным фактором, так как она сильно мешала необходимому сжатию заработных плат.

Кризис «перепроизводства» охватил весь мир. Получилось очень тягостное положение. Например, в Америке «запад хотел бы знать, когда он может найти рынок для сбыта своей шерсти, а рабочие шерстяных фабрик Новой Англии хотели бы знать, когда они получат работу в течение полной недели» (из американских газет). Кризис ясно сказался на положении внешней торговли. В Соед. Штатах в марте 1921 г. вывоз дал 383 милл. долларов, на 20% менее февраля 1921 г., на 53% ниже марта 1920 г. и на 58% менее самого высокого месяца по вывозу, именно, июня 1919 г. Главными причинами столь резкого сокращения вывоза было падение цен и сокращение количества вывозных товаров. Ввоз в марте 1921 г. дал 252 милл. долл., что было на 18% более против февраля того же года, но на 52% ниже марта 1920 г. и на 54% ниже наиболее удачного послевоенного месяца—июня 1920 г. («The Economist», May 7, 1921 г.).

В более тяжелых условиях оказалась британская внешняя торговля. Прежде чем привести соответствующие цифры, необходимо сделать оговорку в том смысле, что цифры внешней торговли следует принимать с учетом колебания товарных цен. Количество товаров, обращающихся во внешнем товарообмене, может уменьшаться, но в сиду под'ема товарных цен их ценность может возрастать. Разумеется, и количественная сторона внешней торговли, и ее оценка в деньгах имеют самодовлеющее и важное значение. Но явное падение вывозимых и ввозимых количеств имеет огромное показательное значение для характеристики об'ема промышленной деятельности. Вот интересная таблица, показывающая обороты английской внешней торговли 1920 г. с двух точек зрения («The Economist», 26 февраля 1921 г.), в тыс. ф. ст.:

	Ценность товаров.		Увеличение или понижение обязано увеличению или уменьшению	
	По ценам 1920 г.	По ценам 1913 г.	Количества.	Цены.
Ввоз	1.936.742	674.955	— 93.780	+ 1.261.787
Реэкспорт	222.406	97.166	— 12.401	+ 112.839
Остаток для внутр. потребления . . .	1.714.336	577.789	— 81.379	+ 1.055.168
Вывоз британ. товаров	1.335.569	359.245	— 166.009	+ 810.315
Баланс импорта . .	378.767	218.544	+ 84.630	+ 245.853
Вся торговля . . .	3.494.717	1.131.366	— 272.190	+ 2.091.161

Сопоставление первых двух колонн цифр дает отчетливое представление о роли колебания товарных цен для торгового баланса. Третья колонна показывает, что уменьшение количества вывозимых и ввозимых товаров оказало гораздо меньшее влияние на баланс торговли, нежели повышение товарных цен.

Разумеется, падение товарных цен должно также сильно повлиять на баланс и это падение, соединяясь в своем влиянии с уменьшением количества обращающихся во внешней торговле товаров, неминуемо сильно ухудшит позицию торгового баланса.

Первая четверть 1921 г. и была для Англии таким периодом, когда под влиянием падения цен и сокращения оборотов ее внешняя торговля обнаружила сильный упадок («a formidable decline», как писали в «The Economist» от 16 апреля 1921 г.). Вот соответствующие данные об английской внешней торговле за первые четверти 1920 г. и 1921 г., в милл. ф. ст.:

	1920 г.	1921 г.	Уменьшение в 1921 г.
Ввоз	530,2	307,7	41,9%
Вывоз британских товаров . . .	295,5	227,7	22,9%
Реэкспорт	75,0	26,8	64,2%
Весь экспорт	370,6	254,6	31,3%
Превышение ввоза	159,6	52,9	66,5%

Март 1920 г. был месяцем особенно высоких цен; март 1921 г.—понизившихся, по индексу, на 40%. Но, учитывая и это падение цен, все же видно, что кризис сильно отразился на английской внешней торговле. Вот поясняющие данные в таблице, показывающей ввоз некоторых товаров в январе—марте:

	1920 г. колич.	Ценность т. ф. ст.	1921 г. колич.	Ценность т. ф. ст.
Зерно и хлеб, тыс. кв. . .	40,637	44,419	30,079	29,869
Мясо „ „ . . .	2,268	11,600	3,152	14,533
Масло „ „ . . .	549	7,408	1,006	15,138
Жел. руда, тыс. тонн .	1,325	3,316	1,110	2,431
Сырой хлопок, тыс. квт. .	8,717	122,074	2,917	21,250
Шерсть „ „ .	2,009	20,913	1,900	15,451
Пенька, лен, джут „ „ .	143	10,711	79	4,488
Кожа „ „ .	284	2,865	68	379
Древесн. масса „ „ .	207	4,187	105	2,451
Каучук „ „ .	594	7,288	622	3,470

Для английской вывозной торговли характерен вывоз угля. За первую четверть в 1913 г. было вывезено 17.239 т. тонн, в 1920 г. – 8.365 т. тонн и в 1921 г.— только 5.397 т. тонн. В первую четверть 1921 г. сильно упал и вывоз текстильных товаров.

Сокращение производства, обусловленное кризисом сбыта, неизбежно повело к увеличению безработицы, принявшей в первые месяцы 1921 г. грозные размеры. В марте 1921 г. безработные в Соед. Штатах составили уже армию, равную 1,9% всего населения страны («Frankf Ztng», 22. III. 1921). Нью-иоркский корреспондент «Times'a» еще в ноябре 1920 г. писал о том, что в хорошо обеспеченном классе во время войны американских рабочих эра экстравагантности прошла. Рабочий в шелковой рубашке исчез, и дешевые ювелирные украшения, покупавшиеся им в дни успеха, перешли в ломбарды. Корреспондент рассказывал, что в Балтиморе рабочие отказались от своего права на повышение заработной платы с 4 шилл. 6 п. до 5 шилл. за час, обещанное им весной 1920 г. Рабочие указали, что цены падают и они довольны тем, что у них есть постоянная работа. Ясно, что здесь говорил страх безработицы («Times», 13. XI. 1920).

Безработица, выросшая на почве кризиса сбыта, охватила все страны, работающие на вывоз. В Швейцарии в феврале 1921 г. одна пятая часть рабочих и ремесленников была без работы; это были люди, работавшие, главным образом, в экспортирующих промышленностях (часовое производство, кружевное и т. п.). Высокий курс швейцарского франка препятствовал сбыту товаров заграницу («The Economist», 26. II. 1921). Хлопчатобумажная промышленность Голландии сильно страдала от депрессии в колониях, и большинство фабрик было вынуждено перейти к ограничению рабочих часов или временно закрыться («The Econom», 30. IV 1921). Наиболее подробные сведения о безработице мы имеем

из Англии. Здесь прежде всего останавливает на себе внимание рост безработицы в среде рабочих, об'единенных в труд-юнионы, т. е. среди высококвалифицированных рабочих «Labour Gazette» дает следующую таблицу %-та безработных в трэд-юнионах, не считая бастовавших горнорабочих:

В конце	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Января . .	2,2	0,6	0,3	1,0	2,4	2,9	6,9%
Февраля .	2,0	0,5	0,3	0,9	2,8	1,6	8,5
Марта . . .	1,9	0,5	0,3	1,2	2,9	1,1	10,0
Апреля . .	1,7	0,5	0,3	0,9	2,8	0,9	17,6
Мая	1,9	0,5	0,4	0,9	2,1	1,1	22,2
Июня . . .	1,9	0,5	0,4	0,7	1,7	1,2	—
Июля . . .	1,9	0,4	0,4	0,6	2,0	1,4	—
Августа . .	2,0	0,4	0,5	0,5	2,2	1,6	—
Сентября .	2,3	0,4	1,3	0,5	1,6	2,2	—
Октября .	2,2	0,3	1,1	0,4	2,6	5,3	—
Ноября . .	2,0	0,3	1,1	0,5	2,9	3,7	—
Декабря . .	2,6	0,3	1,4	1,2	3,2	6,0	—

«The trade union percentage of 10 per cent. is bad enough»,—так комментировал эту таблицу «The Economist» (3. IV. 1921). Среди 12 миллионов рабочих, застрахованных в силу the Unemployment Insurance Act, в марте 1921 г. процент безработных был 11,3% против 9,5% в предшествующем феврале. Сюда же нужно присоединить 382 тыс. мужчин и 456 тыс. женщин на 24 марта 1921 г., работавших в неделю столь «короткое время», что они подпадали под действие или вышеупомянутого закона о страховании безработных, или под действие закона «Out-of-work Donation scheme». Приведенные цифры означают, что в 1921 г., накануне весенней угольной забастовки, около двух миллионов, или 1/6 всех застрахованных рабочих, были безработными или работали столь «короткое время», что рассматривались подходящими под действие законов о безработных.

8 апреля 1921 г. в палате общин министр труда констатировал для Англии 1.615.000 безработных и

897.000 человек, работающих «короткое время», равносильное перед лицем закона безработице.

Кризис в Германии был осложнен еще и тем обстоятельством, что здесь политическое положение страны было неблагоприятным для народнохозяйственной жизни. Экономическое выступление Германии на мировом рынке наталкивалось на препятствия политического свойства. Версальский мир, невырешенность вопроса о контрибуции, знаменитые «санкции», которыми союзники грозили Германии, упиравшейся платить контрибуцию, все это создавало для германской экономической жизни добавочные осложнения. Отчеты германских промышленных предприятий за 1920 г. показывали большие прибыли. Дивиденды выплачивались в размере от 20% до 30%, но фактически, считая различные бонусы,—много выше, до 70%. Особенно крупные прибыли были отмечены в области текстильных и бумажных предприятий. Но это—казовый конец. Высокие дивиденды—результат инфляционного роста цен. Одновременно повсюду наблюдалось сокращение производства, роспуск рабочих, и сокращение рабочих часов было всеобщим правилом. Германия пыталась проникнуть на мировой рынок через Голландию, но так как германские товары продавались за дешевые марки, а голландские товары—за дорогие гульдены,—естественно, что в конце концов Голландии очень не понравилась конкуренция германских товаров, искавших выхода на мировой рынок через Голландию.

Сокращение производства в Германии стало устойчивым явлением с ноября 1920 г. В группе типичных промышленных предприятий, нормально занимавших 1.600.000 рабочих, число предприятий, работавших не полную неделю, в марте 1921 г. выросло до 40%. Железная промышленность Германии страдает от «перепроизводства» и от излишнего ввоза. Лотарингия, Люксембург, Швеция и Испания предлагают свои руды в

больших количествах и по падающим ценам, а в это время германские рудники забиты непроданным товаром. Само собою разумеется, что в особенно тяжелом положении находятся те отрасли промышленности, которые издавна работали на широкий мировой рынок. Сильно страдают оптическая промышленность, механическая высших изделий. Союзники и нейтральные страны отказываются покупать эти товары, аннулируют заказы. Безработица растет не по дням, а по часам. Из 142.000 рабочих только 4% работали полное время. Со времени «санкций» перестали поступать заказы из-за границы на химические и текстильные товары («The Economist», 23 апр. 1921 г.).

Германское министерство труда сообщило, что на 1 мая 1921 года 400.097 безработных получали общественную помощь и около 200.009 человек работало в общественных предприятиях, организованных в целях оказания помощи. Но условия жизни рабочих улучшаются, так как в период падения цен заработные платы увеличиваются. На пространстве 1920 г. и с января по май 1921 г. платы удвоились, а в химической промышленности утроились. Об абсолютном росте плат дает представление следующая таблица, показывающая заработную плату за час в два момента:

	1914 г.	1 мая. 1921 г.
Строительное дело	65	700
Металлич. промышленность	62	660
Мыловаренная	45	630
Пищевая	44	708
Обувная	63	600
Декорационная	61	690
Резиновая	50	640
Химическая	48	640

Но, очевидно, этого роста мало, так как рабочие возражают против 8-часового рабочего дня, повсюду его удлиняют и недовольны вмешательством государства, в целях регулирования продолжительности рабочего дня («The Economist», 4 июня 1921 г.).

От падения цен на Западе пострадала промышлен-

ность и таких стран, которые, казалось бы, были застрахованы от такой беды бумажноденежной инфляцией, гнавшей цены привозных товаров вверх. Напр., в апреле 1921 г. английский чугун в Польше стоил 23.000 марок, при курсе 3.200 польских марок за 1 ф. ст. Стоимость же производства чугуна в Польше составляла 26.000 марок. Если не сжать издержки производства, то польское чугунное производство придется приостановить. Один метр материи в Лодзи стоил в апреле 2.000 п. мар. Германия предлагает материю того же качества за 90 мар. германских, т. е. за 1.300 польских марок («Economist», апр. 30, 1921 г.).

Задачей момента было понизить товарные цены до такого уровня, какой был бы приемлем для мирового рынка с сильно ослабленной покупательной силой. Но это легко сказать, а трудно сделать. Приходится понижать заработные платы, что вызывает волну забастовок. Между мартом 1913 и мартом 1921 г. заработные платы в Англии на тонну угля поднялись с 6 шилл. 4 п. до 27 шилл. 6 п. За это же время стоимость леса поднялась с 1 шилл. 10 п. до 7 шилл. 2 п. за тонну. Понизить при этих условиях цены на уголь—задача довольно трудная, что и доказано было грандиозной угольной забастовкой в Англии весною 1921 г. Иногда на пути понижения заработных плат стояли препятствия другого рода, именно, наличность правительственного регулирования. Напр, одна американская железнодорожная компания (Kansas City Southern Railway Company) констатировала, что в ее округе имеется масса рабочих, работающих за 20—25 центов в час при 10-ти часовом рабочем дне. Но дорога, связанная «trade regulations», должна платить своим рабочим не 2 долл, а от $4^1/_2$ до $5^1/_2$ долл. в день. Рабочий, получавший в 1914 году менее 50 долл. в месяц, теперь получает свыше 250 долл. и он мог бы быть замещен рабочим с жалованьем в 75 д. («The Economist», 30 апр. 1921 г.).

VI.

Валютный хаос.

Среди основных причин, ослаблявших покупательную способность мирового рынка и приводивших народные хозяйства экспортирующих стран к кризису перепроизводства, видное место занимает сильное расстройство международных валютных отношений. Довоенные устойчивые нормы были окончательно разрушены, вексельные курсы послевоенного периода приобрели ртутную подвижность с весьма значительным колебанием в обе стороны и в весьма короткие промежутки времени. Валюты многих и многих стран, финансировавших войну за счет выпусков неразменных бумажных денег, подверглись сильному, порою чрезвычайному, обесценению. Повышение курсов одних валют и понижение других ставило весьма серьезные тормозы на пути восстановления международной хозяйственной связанности. Ослабленная войною покупательная сила многих стран еще более сокращалась вследствие неблагоприятного развития вексельных курсов. Страны, сохранившие свою валюту в порядке, оказывались в положении стран, ограничивающих свой вывоз высокими вывозными таможенными пошлинами, причем роль вывозной пошлины играла премия на их валюту на мировом рынке.

Как только окончилась война, страны азиатского востока поспешили обратиться к западным рынкам за необходимыми товарами, главным образом, за тканями.

Восток располагал серебряной валютой, которая в 1919 г. и 1920 г. стояла на необычайно высоком уровне. «Journal of Royal Statistical Society» в марте 1921 г. дал следующую таблицу, показывающую цены на серебро, в пенсах за унцию, и индекс этих цен, причем в качестве базы для индекса журнал взял паритет: 1 единица золота равна $15^1/_2$ ед. серебра; это отношение было взято за 100% и таким образом составилась следующая таблица:

Годы:	Средняя цена за унцию.	Index number.
1873	59 1/4	97,4
1893	35 5/8	58,6
1896	30 3/4	50,5
1909	23 11/16	38,9
1912	28 1/32	46,1
1913	27 9/16	45,3
1914	25 5/16	41,6
1915	23 11/16	38,9
1916	31 5/16	51,4
1917	40 7/8	67,2
1918	47 1/2	78
1919	57	93,6
1920	61 9/16	101,2

Таблица показывает необычайный под'ем цен на серебро в 1919 г. и 1920 г., что, конечно, сильно увеличило покупательную силу серебряных стран, т. е. огромного азиатского востока. И закупки Востока сразу стали серьезным фактором в развитии промышленности западных экспортирующих стран. На Западе думали, что наступило длительное повышение цен на серебро. В Англии, например, в феврале 1920 г. был проведен закон о чеканке новой серебряной монеты с пониженным содержанием чистого серебра—500 fine вместо бывших до сих пор 925. В мотивах к закону было сказано, что при цене серебра в 88 пенсов за унцию шиллинговая монета нового чекана по своей внутренней ценности будет выше, нежели монета с 925 fine в июле

1914 г. Но действительность скоро показала, что расчеты на высокие серебряные цены были построены на песке. Цены на серебро упали так же быстро, как быстро и поднялись. В январе 1920 г. в Лондоне цена за унцию была около 80 пенсов, поднимаясь и выше, а в январе 1921 г. она упала до $39^3/_4$ п., в апреле—до $33^3/_8$ п. Такое быстрое и резкое падение цен на серебро сразу пришибло покупательную силу Востока и лишило Англию и Соед. Штаты колоссальных рынков, что, разумеется, углубило и обострило торговую депрессию.

Не лучше, а много хуже, обстояло дело с валютными отношениями в Европе и между Европой и Америкой. Перед лицем американского доллара все европейские валюты были обесценены, так как, во-первых, Америка получила по отношению к Европе активный рассчетный баланс, тогда как до войны дело обстояло в обратном порядке; во-вторых, Соед. Штаты сохранили в неприкосновенности свой золотой доллар, а большинство европейских стран перешло на бумажноденежную систему. Американский доллар по отношению к европейским валютам получил премию, часто весьма и весьма значительную, что излишне удорожало американские товары и делало их недоступными и малодоступными для Европы.

Вот таблица вексельных курсов в Нью-Йорке:

На	Паритет.	8 янв. 1920 г.	30 дек. 1920 г.	28 апр. 1921 г.
Лондон, чек	4,86 долл. за 1 ф. ст.	3,74	3,53	3,95
Париж, „	19,30 центов за 1 фр.	(*)	5,93	7,59
Брюссель, чек	19,30 „ „ 1 „	(**)	6,23	7,62
Швейцарю, чек	19,30 „ „ 1 „	(***)	15,21	17,45
Италию, „	19,30 „ „ 1 лиру	(****)	3,48	4,84
Берлин, „	23,83 „ „ 1 марку	2	1,37	1,52
Вену, „	20,26 „ „ 1 крону	0,06	0,02	0.02
Мадрид, „	19,30 „ „ 1 песету	19,05	13,45	13,95
Амстердам, „	40,19 „ „ 1 гульд.	37,50	31,45	35,07
Копенгаген, „	26,80 „ „ 1 крону	18,05	15,65	18,10
Стокгольм, „	26,80 „ „ 1 „	21,10	19,98	23,25

На 8 января 1920 г. курсы на Париж (*) были установлены в 11,19 франков за доллар, на Брюссель (**) 11,15 фр. за долл., на Швейцарию (***) 4,93 фр. за долл. и на Италию (****) 6,36 лир за доллар. Таблица показывает, что по отношению ко всем перечисленным странам доллар имел премию, даже по отношению к европейским нейтральным странам, сохранившим золотую валюту.

По отношению к доллару ни одна валюта в Европе не удержала своей позиции. Характерна сдача позиций перед долларом валютами Испании, Швейцарии, Швеции и т. д., т. е. странами, сохранившими золотую валюту. Нейтральные валюты после войны переживали тяжелые дни похмелья. Например, курс испанской валюты на Лондон нормально дает 25 песет 22 центимоса за 1 ф. ст. В средине апреля 1918 г. песета поднялась настолько, что за фунт ст. давали только 15 песет 95 цент., но — увы! — в ноябре 1920 г. за фунт давали уже 28½ песет! Во время войны Испания была кредитором воюющих стран, после войны прекратился повышенный спрос на ее товары, накопленные запасы иностранной валюты значительно обесценились и в результате—неблагоприятно складывающиеся вексельные курсы («Times», 13, IX, 1920 г.).

Таким образом, доллар во всей Европе получил премию, часто очень значительную; эта премия и явилась большим препятствием на пути американских товаров на мировой рынок.

Позиция фунта стерлинга оказалась после войны двойственной. По отношению к одним странам фунт стерлинг. получил премию, по отношению к другим— он потерпел ущерб.

В следующей таблице мы приведем колебания курса в Лондоне со дня подписания перемирия:

	Конец июля 1914 г.	11 ноября 1918 г.	11 ноября 1919 г.	11 ноября 1920 г.
Нью-Иорк	4.95	4,76⅝	4,13½	3,38
Париж	25,00	25,83	38,80	58,30
Амстердам	12,16	11,46	10,96	11,33
Италия	25,65	30,30	52,00	99,00
Мадрид	25,97	24,10	21,05	27,50
Норвегия	18,31	17,55	18,36	25,65
Швеция	18,31	17,15	17,75	17,96
Дания	18,33	17,85	19,56	25,71
Швейцария	25,10	24,00	22,81	22,07
Иокогама	2 ш. 0⅜ п.	2 ш. 3½ п.	2 ш. 5¼ п.	2 ш. 11¾ п.
Бельгия	25,12½	—	35,77	55,07
Германия	20,62	35,50	147,50	294,00
Польша	(20,62)	—	—	1300
Австрия	24,50	—	420	1215

Нужно заметить, что в 1918 г. курсы на Нью-Иорк, Париж и Рим находились под контролем или были особыми мерами стабилизованы («пригвождены» — «pegged»).

Чтобы легче разобраться в только-что приведенной таблице, мы дадим еще одну, которая наглядно обрисует положение фунта стерлинг. на 31 декабря 1920 г.:

А. Страны, где фунт ст. имеет премию:

	Курс до войны.	Курс 31 дек. 1920 г.	Премия на 31 дек. 1920 г., в %.	Покупательная сила 1 ф. ст.
Франция	25,20	59,70	136¾	2 ф. 7 ш. 1 п.
Бельгия	25,20	56,85	125½	2 » 5 » 1 »
Италия	25,20	101½	302¾	4 » 0 » 6 »
Норвегия	18,13	23,05	27	1 » 5 » 5 »
Дания	18,13	23,12½	27½	1 » 5 » 6 »
Финляндия	25,20	116,50	362	4 » 12 » 5 »
Германия	20,41	258,00	1.163½	12 » 12 » 8 »
Греция	25,20	48,12½	91	1 » 18 » 2 »
Австрия	24,02	1.525	6.249	63 » 9 » 9 »
Румыния	25,20	283,50	1.024½	11 » 4 » 11 »
Португалия	53½ пенс.	6½ п.	720	8 » 4 » 0 »
Испания	25,20	26,48	5	1 » 1 » 0 »
Бразилия	16 пенс.	9 13/16 п.	63	1 » 12 » 8 »
Варшава	20,41	2.250	10.920	110 » 4 » 0 »
Прага	24,02	307½	1.800	12 » 16 » 0 »

Размер указанной премии на фунт стерлинг достаточно красноречиво говорит о валютном препятствии на пути английской внешней торговли. Но в ряде других стран тот же английский фунт получил дизажио.

Б. Страны, в которых фунт ст. получил дизажио.

	Курс до войны.	Курс 31 дек. 1920 г.	Дизажио в %.	Покупат. сила 1 фунта ст.
Нью-Иорк	4,87	3,54 1/2	27 1/4	14 ш. 6 п.
Монреаль	4,87	4,10 1/2	15 3/4	16 » 10 »
Голландия	12,08	11,26	6 3/4	18 » 8 »
Швеция	18,13	17,69	2 1/2	19 » 6 »
Швейцария	25,20	23,16	8	18 » 5 »
Аргентина	47 5/8 пенс.	51 1/16 п.	6 3/4	18 » 8 »
Япония	2 ш. 1/16 п.	2 ш. 8 1/8 п.	23 1/2	15 » 4 »
Индия	1 » 4 »	1 ш. 5 11/16 п.	9 1/2	18 » 2 »
Шанхай	2 » 4 »	4 ш. 1 8/16 п.	43 1/2	11 » 3 »

В течение 1920 г. английский фунт стерл. поднялся по отношению ко всем валютам, за исключением доллара; это говорит о том, что золотая цена фунта ст. не поднялась, но другие валюты опустились.

Помимо того факта, что валюты разных стран сильно уклонились от своих паритетов, огромное значение для народнохозяйственной жизни имеет то обстоятельство, что колебания валютных курсов совершаются в пределах весьма значительного диапазона. Сношения между отдельными странами получают вследствие этого колебания весьма неуверенный характер; кредитная база международной торговли по необходимости с'уживается и делается неустойчивой. Перевести же мировой товарообмен на почву наличного расчета значит свести его к микроскопическим размерам. Для Европы и многих частей Азии весьма важен по своим отрицательным последствиям факт значительного колебания курса английского фунта ст. Вот интересная в этом отношении таблица движения курса ф. ст., выраженного в премии на фунт и в дизажио (в % к средним месячным курсам):

Премия на фунт стерлингов в 1920 году.

	Январь.	Апрель.	Июль.	Ноябрь.
Париж	70	150	87	127
Брюссель	71	135	76	114
Рим	104	251	163	278
Берлин	988	1084	644	1202
Христиания	5	9	29	42
Копенгаген	15	20	30	41
Лиссабон	203	250	374	527
Букарест	570	866	471	808
Гельсингфорс	320	187	293	528
Афины	2	42	23	50
Рио Жанейро	50	53	89	125
Вальпарайзо	36	38	50	82
Дизажио.				
Амстердам	18	12	8	6
Мадрид	22	11	4	5
Стокгольм	2	0,7	2	0,9
Нью-Иорк	24	19	20	29
Монреаль	17	12	9	21
Буэнос-Айр.	29	21	16	11
Монтевидео	19	14	9	6
Цюрих	18	13	13	12

Всматриваясь в эту таблицу, легко понять, в каком затруднительном положении находилась английская внешняя торговля в 1920 г. и как, равным образом, были неуверенны торговые действя экономически общавшихся с Англией стран.

В дополнение к приведенным данным об английском фунте ст. мы дадим небольшую табличку колебания курсов фунта за все время мировой войны:

	Высший курс.	Нисший курс.	
Нью-Иорк	5 долл. 6 ц.	4 долл. 52 ц.	За 1 фунт стерлинг
Париж	28 фр. 98 с.	24 фр. 97 с.	
Италия	45 л. 65 ч.	45 л. 50 ч.	
Швейцария	26 фр. 40 с.	18 фр. 72 с.	
Голландия	12 фл. 20 ц.	8 фл. 97 ц.	
Испания	26 п. 75 ц.	16 п. 60 ц.	
Швеция	19 кр. 75 ер.	9 кр. 95 ер.	

Сравнение последней таблицы с предшествующей показывает, что после войны дело с валютой не только не улучшилось, но ухудшилось. Оно ухудшилось и потому, что после войны прекратилась дорого стоющая политика поддерживания устойчивых валютных курсов. Курсы были предоставлены свободной игре стихийных процессов и обнаружили большую неустойчивость, отражая, конечно, общую неустойчивость и ненормальность международного рынка.

Приведем еще несколько цифр, характеризующих положение на валютном рынке германской бумажной, ныне сильно обесцененной, марки.

Вексельные курсы на Германию (за 100 марок):

	Паритет.	5 ноября 1920 г.	28 марта 1921 г.
Амстердам	59,26 фл.	4,25	4,63
Швейцария	123.45 фр.	8,00	9,20
Копенгаген	88,88 кр.	9,70	8,95
Стокгольм	88,88 „	9,30	6,80
Христиания	88,88 „	6,65	10,25

Главнейшим препятствием на пути оздоровления валютных международных отношений является наличность в большинстве воевавших стран обесцененной бумажноденежной валюты, что, при невозможности быстро ликвидировать финансовое наследство войны и необходимости и после войны обращаться к услугам печатного станка для покрытия зияющих бюджетных дефицитов, создает больную атмосферу для развития вексельных курсов. Впредь до консолидации финансовых отношений и упорядочения бумажноденежного обращения не приходится мечтать о былом валютном порядке. Международное экономическое общение обречено пережить полосу валютного хаоса.

Вторым существенным препятствием на этом пути является наличность нагроможденных войною внешних долгов одних стран другим, что приводит к таким расчетным балансам, которые трудно выправить при помощи оборотов внешней торговли. В первой главе нашего очерка были приведены статистические данныя о внешней задолженности таких европейских держав, которые до войны не только не имели внешних долгов, но, наоборот, сами являлись кредиторами других наций. Характер этой задолженности, гнетущей вексельные курсы, своеобразен. Великобритания задолжалась во время войны Соед. Штатам, а континентальные страны Европы задолжались Великобритании.

Великобритания должна Соед. Штатам свыше 1 миллиарда фунтов ст., причем большая часть этого долга заключена на условии бессрочности, т. е. может быть востребована кредитором в любой момент. Наиболее характерно в этом огромном долге то, что он является чисто посредническим: для себя Англия не занимала, она занимала для континентальных государств («on our own account we need have borrowed nothing»,—«Manchester Guardian», 7 января 1921 г.). На гораздо большую сумму Европа должна Великобритании, так что бухгалтерски Великобритания ничего за-границу не должна. В оффициальном документе («Budget White Paper» на 31 марта 1921 г.—день окончания в Англии бюджетного года) мы находим подробный список долгов европейских государств Великобритании. Вот этот интересный список, в тысячах фунтов ст.:

Ссуды Англии союзникам и колониям.

Австралия	90.000
Новая Зеландия	29.600
Канада	13.800
Южная Африка	7.500
Др. доминии и колонии	3.100
	144.000
Россия	561.400
Франция	557.000
Итал я	476.800
Бельгия	103.400
Сербия	22.100
Португалия, Румыния, Греция и др. союзники	66.200
Займы помощи	16.700
	1.803.600

По обеим группам долги составят почтенную сумму—1.803.600 тыс. ф. ст.

Хотя кредитный баланс Англии складывается в ее пользу, тем не менее ее долг Америке гнетет курс фунта и создает доллару премию, собственно говоря, невыгодную ни Америке, ни Англии. В Англии часто обсуждалась мысль о том, чтобы произвести хирургическую операцию с этими долгами и таким образом положить твердое начало оздоровлению валютных отношений между Европой и Америкой, с одной стороны, и с другой—между европейскими государствами. Именно, предлагалось, чтобы Америка скостила долг Англии, а Англия скинула бы со счетов долги Европы. В этом направлении шаги были предприняты бывшим английским секретарем казначейства Чемберленом в последний месяц президентства Вильсона. Но момент был выбран с тактической точки зрения неудачно: американское общественное мнение, только-что избравшее новым президентом Гардинга, увидело в этом жест уходящего правительства «под занавес», и переговоры были прекращены. Между прочим, по поводу этого проекта указывалось, что в подобной мере жертвы Америки и Англии будут неравноценными. Америке предлагают скостить первоклассный долг, долг, за которым стоит бесспорно платежеспособная Англия, а Англия, взамен этого, скинет со счетов долги сомнительной надежности («a highly speculative debt»). Но, как бы то ни было, этот проект не считается безнадежным, в составе нового американского правительства имеются члены, которые стоят за эту меру, которая, несомненно, способна значительно оздоровить международные валютные отношения и содействовать восстановлению всемирно-хозяйственной связанности, необходимой и кредиторам, и должникам.

VII.

Финансовый фактор.

Упорядочение международных валютных отношений помогло бы уничтожению премий для одних стран и подняли бы валютные курсы других стран, т. е., с одной стороны, понизило бы товарные цены главных вывозящих стран и, с другой—, повысило бы покупательную способность ввозящих стран. Но промышленность страдает не только от сокращения об'ема внешней торговли; она парализуется и сокращением емкости внутренних рынков. Среди причин, мешающих покончить с дороговизною, несомненно, финансовый фактор играет далеко не последнюю роль. Война, как мы говорили в первой главе, оставила тяжелое финансовое наследство; для ликвидации его приходится напрягать податные силы страны, увеличивая бремя налогов. Налоги имеют известное всем свойство переложения. Это переложение совершается в процессе обмена путем поднятия товарных цен. Емкость внутренних рынков сокращается, так как налоги отсекают значительные части их покупательной силы. Послевоенные бюджеты имеют распухший вид. Бюджеты Великобратании за 1913—14 бюджетный год составлял 209,782 тыс. ф. ст. В послевоенное время эта цифра выросла во много раз. Для того, чтобы сравнить цифры довоенного и послевоенного времени, необходимо принять во внимание утрату английским фунтом части своей золотой цены, приблизительно около 25—30%. Послевоенные

бюджеты Англии чудовищны по своим размерам; действительное исполнение бюджетов дало следующие результаты:

	1919—20 г.	1920—21 г.
Доходы	1.339.571 т. ф. ст.	1.425.985 т. ф. ст.
Расходы	1.665.772 „ „ „	1.195.428 „ „ „

Проект бюджета за 1921—22 г. предвидит доходов на 1,058,150 тыс. ф. ст., расходов—на 974,023 т. ф. ст., не считая выручки от распродажи военных запасов на 158,000 т. ф. ст. и расходов по ликвидации военных счетов на 65,705 т. ф. ст. В Англии умеют хорошо составлять бюджет; так, напр., роспись 1920—21 г. предвидела доходов 1,418 милл., их поступило 1.425 милл., расходов предусмотрено на 1,233 милл., произведено — на 1,195 милл.!

Для того, чтобы ясно увидеть существо английского бюджета, полезно обратить внимание на следующее сопоставление: в 1913—14 г. податной доход поступил, в размере 163 милл. ф. ст., в 1920—21 г.—в размере 1,031 милл.! Если последнюю цифру уменьшить на 25%, то и в данном случае податной доход английского бюджета в 1920—21 г. будет почти в пять раз выше 1913—14 г. Так велико финансовое давление на английскую экономику. Асквит в одной из своих речей говорил, что в последний год до войны обложение на единицу населения в Англии составляло 3 ф. 10 шилл., после войны, в 1920—21 г., оно достигло 21 ф. 6 ш. «Такое обложение,—говорил оратор,—делается невыносимым, оно повышает издержки производства и сокращает покупательные силы населения» («Daily News», 1920, 15 XI). Но бремя налогов велико не только в Англии. Вот таблица, взятая из документов брюссельской финансовой конференции, показывающая бремя прямых налогов и налогов на потребление, в расчете на единицу населения, в шести державах (вычислено в долларах, по курсу июня 1920 г.).

	Прямое обложение.	Налоги на потребление.	Всего.
Великобритания	58,2	29,7	87,9
Соедин. Штаты	56,5		56,5
Франция	18,4	16,2	34,6
Германия	7,6	4,9	12,5
Япония	3,2	2,6	5,8
Италия	3,6	2,0	5,6

Конечно, одни эти цифры малопоказательны. Важно соотношение подати и народнохозяйственного дохода. Добыть цифры, выражающие это соотношение, в высшей степени трудно. Данные 1920 г. будут, пожалуй, нечем иным, как догадкой. Но приведем и эти данные из того же самого источника. Отношение государственных доходов к национальному доходу выразилось в %:

	Накануне войны.	В июне 1920 г.
Великобритания	9	27
Соед. Штаты	2	8
Франция	13	13
Германия	8	12
Италия	11	13
Япония	20	13

Соотношение государственных доходов и дохода народного хозяйства, конечно, не то, что податного дохода и дохода народного хозяйства, но все-таки в качестве суррогатной цифры и оно проливает небольшой свет на положение вещей. В тех странах, где еще совсем не приступали по настоящему к ликвидации финансовых последствий войны, т. е. где еще подать не поднята до уровня, на котором она будет способна устранить бюджетный дефицит, в этих странах орудует печатный станок, готовящий новые и новые количества бумажных денег. Выпуск новых бумажных денег—всеобщий налог, сокращающий покупательную способность населения в форме вздувания товарных цен.

Финансы Франции находятся в очень неблестящем положении. Бюджет 1920 г. выполнен был с огромным

дефицитом, так как доходы дали 17,587 милл. фр., а расходы составили свыше 27 миллиардов фр., не считая специального расходного бюджета в 13½ миллиардов для восстановления опустошенных войною областей. Докладчик по бюджету во французском сенате Шерон указывал, что на 1 августа 1914 г. долг Франции был в 28 млд. фр., на 1 марта 1921 г.—свыше 300 млд., считая 83 млд. внешнего долга по курсу 28 февраля 1921 г. Текущий долг Франции, составлявший в 1914 г. 1,608 миллионов фр., к марту 1921 г. вырос до 61 миллиарда, не считая 25 млд., занятые у Banque de France. Кроме этих отягчающих бюджет Франции обязательств нужно принять во внимание и сильно выросшие пенсии: накануне войны их было на 340 миллионов в год, в марте 1921 г.—740 милл., а, вероятно, эта сумма возрастет, так как срок для заявлений прав на пенсию продлен до марта 1924 года. Государству приходится поддерживать инвалидов войны от 1,500,000 до 1,700,000 чел., сверх того, около 700,000 вдов, около 700,000 пар восходящих родственников убитых и около 400 семей круглых сирот. Шерон полагает, что нужен капитал в 60 миллиардов фр., чтобы удовлетворять пенсионные платежи. Перед лицем дефицитного бюджета и огромных расходов как на пенсии, так и на восстановление разрушенных во время войны областей, Франция все свои надежды возлагает на контрибуцию с Германии. Один из министров финансов, Клоц, заявлял, что «Германия заплатит»; Шерон снискал всеобщее одобрение заявлением о том, что «Германия должна заплатить».

Бюджет Франции на 1921 г. предположен 25,8 миллиардов фр., а по бюджету на восстановление областей—16 миллиардов, причем эти 16 млд. отнесены на счет Германии. Между прочим, для финансирования огромного дела по восстановлению областей во Франции основано особое кредитное учреждение—Crédit National. Банк уже сделал два выпуска своих облигаций, гарантированных государством на 8 млд. фр., разместив эти займы среди публики.

Бельгия довела свой государственный долг до 30½ млд. фр., из коих 9½ млд. неконсолидированного долга. Финансы Бельгии, по словам ее министра финансов, нуждаются в очень строгом режиме и в сокращении государственных расходов. Бельгии приходится заключать займы на тяжелых условиях. Так, напр., в начале 1921 г. она заключила заем в Нью-Йорке на 30 миллионов долл. из 8% с обязательством погашать этот долг определенными порциями в пятилетние периоды по 107½ за 100 номинальных, обеспечивая это погашение специальным погасительным фондом.

Бюджет Германии в 1920–21 году исполнен с огромным дефицитом, доходов было собрано на 27,7 миллиардов марок, а расходов произведено на 102,5 миллиардов. На сумму дефицита—74,8 млд.—увеличился текучий долг. Из расходного бюджета около 10,5 млд. ушло на систему государственного кредита и свыше 18 млд. на субсидии железным дорогам, почте, телеграфу и другим государственным предприятиям. К 31 марта 1921 г. государство учло обязательств на 166,3 млд. марок. «Государство,—писал «Times» по поводу состояния германских финансов,—находится фактически в положении банкрота, но никто не хочет сказать этого слова» (9, XI, 1920).

Нужно ли говорить о том, что финансы таких стран, как Австрия, находятся в состоянии банкротства. Точная цифра бюджета никому неизвестна, неизвестен и размер долга, так как до сих пор не определено, какую часть старого долга Австро-Венгрии должна будет принять на себя новая Австрия. Австрия богата цифрами, но бедна наличностью. Ей, как и другим странам, опустившимся на дно бумажноденежной трясины, приходится орудовать с колоссальными цифрами, но эти цифры выражают более чем скромные фактические от-

ношения. Так, напр., последние четыре месяца 1920 г. Австрия тратила по 4 млд. крон, что фактически равноценно 1,636 тыс. ф. ст. Годовой бюджет для разоренной войною страны в $19^1/_2$ милл. ф. ст.—такая нищета, дальше которой идти некуда.

В таком же положении находятся финансы Польши. Главный бюджетный источник—типография, где печатаются бумажные марки. В начале 1921 г. польский министр финансов оценивал ежемесячный дефицит в 8 млд. марок и на эту сумму должна выростать масса в конец обесцененного денежного обращения. Ссуды правительству в конце января 1921 г. составили 65,6 млд. марок, в конце апреля — 86,7 млд. против 74,1 млд. в конце марта, так что уже не 8, а $12^1/_2$ млд. составили месячный дефицит. Бюджет Польши на 1921—22 год составлен в таких суммах: доходы 118 млд. и расходы—198 млд., из них военные составляют $^1/_3$. Дефицит определен в 80 млд. марок. В соответствии с бюджетным положением развивается и курс польской марки:

1921 год.	За 1 англ. ф. ст.	За долл.	За франц. франк.	За герман. марку.
Конец апреля	3,312	815	60,50	12,97
Мая 12	3,435	845	73,40	14
„ 17	3,500	869	79	15,50
„ 24	3,990	985	86,25	16,57

В июне за фунт ст. приходилось платить 5 тыс. п. марок, а на 1 июля уже 8,500 марок.

Если принять во внимание, что война повсюду оставила после себя уродливо выросший штат чиновников, что в силу сокращения внутреннего потребления и внешней торговли пошатнулся оплот современных бюджетов—налоги на потребление и таможенные налоги, то легко представить бедственное положение современных финансов во многих и многих странах. «Чума бюрократизма» сильно дает себя чувствовать. В Сев.-А. Соед. Штатах начали настоящий поход против этой «чумы»: в январе 1921 г. конгресс сразу прекратил выдачу жалований 11.000 чиновникам («Morning Post», 8 января 1921 г., статья: «The Plague of bureaucrats»). В маленькой Австрии, при социалистическом правительстве, чиновников так много, что каждый шестой житель—чиновник или член семьи чиновника. Если же прибавить сюда солдат, жандармерию, служащих по местному самоуправлению, то картина будет еще более удручающая. Излишних для дела чиновников приходится увольнять в отпуски, сохраняя им содержание и разные льготы и время от времени повышая их в должности «(Rigasche Rundschau», 24. XII. 1920 г.). Явление приобрело явно каррикатурный характер.

Не входя больше в подробности финансового положения отдельных стран, мы можем кратко формулировать основное влияние финансового фактора на экономическую ситуацию Европы наших дней.

В тех странах, где сделаны, как, напр., в Англии, огромные усилия по преодолению бюджетных дефицитов путем увеличения податного бремени, высокие налоги, входящие в качестве элемента издержек производства, повышают товарные цены и сокращают покупательную способность внутреннего рынка и тем самым ставят производству ограниченные пределы. В тех же странах, где по разным соображениям и причинам дефициты в государственных бюджетах остаются неустраненными, они приводят к дальнейшей бумажноденежной инфляции, которая, повышая товарные цены, равным образом отрицательно отзывается на интересах производства. Расчистить и расширить внутренний рынок для производства можно при помощи разрешения финансового вопроса. Финансовый же вопрос своим содержанием имеет ликвидацию финансовых последствий войны, т. е. преодоление, главным образом, огромных долгов,

облеченных по преимуществу в форму краткосрочных обязательств.

Погасить эти долги в высшей степени трудно в виду необычайной их величины. Для ряда стран такая задача представляется совершенно немыслимой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что повсюду бродит мысль о необходимости хирургического вмешательства в область гипертрофически выросших государственных долгов. В некоторых странах предлагают издать закон, устанавливающий предельный максимум владения обязательствами государства. Все, что превышает этот максимум, должно быть безвозмездно возвращено государству. В таком смысле высказывались представители либеральной партии в Англии. В других странах, вероятно, придется идти к той же цели путем высоких рентных налогов или же при посредстве девальвации денежной единицы. Как бы то ни было, устранение значительной массы государственного долга помогло бы отдельным странам быстрее наладить экономическую жизнь, так как сокращение налогов означало бы возможность понижения товарных цен, усиление покупательной силы населения и расширение внутреннего рынка. Оздоровление же внутреннего рынка это—primus movens и во всех остальных областях как народнохозяйственной, так и финансовой жизни стран.

На втором месте стоит вопрос о возможном сокращении государственных расходов. Послевоенные бюджеты оказались после войны в сильно разбухнувшем виде по двум основным причинам. С одной стороны, остались очень высокими военные расходы, что об'ясняется неопределенностью международного политического положения. С другой,—государство во время мировой войны необычайно расширило сферу своей деятельности и область своего вмешательство в народнохозяйственную жизнь. Все это сильно повысило государственные расходы. В Европе теперь заметно большое течение про-

тив «этатизма», который считается виною многих экономических и финансовых зол. Государственные предприятия повсюду ведутся с колоссальными дефицитами и требуют доплат из податного дохода. Вопрос о введении государственной хозяйственной деятельности в нормальные границы поставлен на ближайшую очередь.

Благополучное решение финансового вопроса не только позволило бы улучшить условия производства и сбыта в пределах внутреннего рынка, но и создало бы необходимое условие для реформ и мероприятий по упорядочению денежного обращения. А это в свою очередь помогло бы оздоровить международные валютные отношения, что неизбежно вызвало бы усиление здоровой струи в международной внешней торговле, от которой в большой зависимости находятся и старые промышленные страны, и страны, только что вступившие или вступающие на путь индустриализации.

VIII.

Восстановление мирового рынка.

Было бы неосторожно и ненаучно сделать какие-либо общие выводы из наблюденных фактов относительно экономического положения Европы и ближайших перспектив. Препятствие к таким выводам лежит в том, что сейчас, когда пишутся эти строки, всеобщий кризис, охвативший собою весь мир, далеко еще не закончил круг своего развития. От исхода же кризиса зависит весьма многое. Затем, все еще не решен политический вопрос, завязанный в версальском узле. При таких условиях выводы по необходимости превращаются в пророчества, а пророчества имеют весьма и весьма условную ценность. За последние семь лет пророчества сильно дискредитированы.

Народные хозяйства отдельных стран, в особенности старых индустриальных стран, показали во всем блеске свою жизненную силу и силу своей сопротивляемости как во время мировой войны, так и после нее, когда им приходится бороться на каждом шагу с вредоносными последствиями войны и восстанавливать нарушенное равновесие в изуродованной войною обстановке. Но человечество после войны и обеднело, и обессилило. Наступательный поход человека на естественные богатства ослабел и в об'еме, и в натиске. Невольно вспоминается отрывок из древнегреческого стихотворения, недавно переведенного Ф. Ф. Зелинским:

„В оные дни тьмы смертных, толпясь по великому телу
„Широкогрудой Земли, изнуряли праматери силу.
„Видя мученья ее, пожалел ее Зевс; порешил он
„В разуме крепком своем облегчить всекормилицы ношу,
„Пламень великой войны илионской в народах разжегши,
„Дабы обузу расхитила смерть. И у стен Илиона
„Племя героев погибло – свершилася Зевсова воля".

Во время недавней войны погибло такое множество народа, перед которыми «племя героев» древнегреческого поэта, образно выразившего мысль Мальтуса, покажется, вероятно, численно ничтожным. Война облегчила «обузу» земли, но и ослабила экономическую позицию оставшихся на земле. Не говорим уже о том, что после войны, с ее постоянным и длительным напряжением волевой энергией и ненормальной обстановкой жизни многих и многих миллионов мужского населения цветущего рабочего возраста, по всему миру пронеслась волна лени, выразившаяся в резком падении производительности труда. Главное, что мешает сейчас быстро восстановить нормальный ход хозяйственной жизни, это—разорванность международного экономического общения. На самом деле, в одних местах сейчас страдают от товаров, которые трудно или даже невозможно сбыть, в других—от отсутствия самых необходимых товаров. И в это время стоит в бездействии колоссальный торговый флот, который после войны, несмотря на значительную подводную войну, более значителен, нежели он был до войны. Коммерческий флот мира, считая суда вместимостью от 100 тонн и выше, представляет следующую картину (в тоннах):

	1914 г.	1920 г.
Великобритания	19.256.766	18.330.424
Британская империя	21.045.049	20.582.652
Соед. Штаты	5.368.194	16.042.289
Франция	2.319.438	3.245.194
Германия	5.459.296	672.671
Италия	1.668.296	2.242.393
Япония	1.708.386	2.995.878
Нидерланды	1.496.455	1.793.396
Норвегия	2.504.722	2.219.388
Россия	1.053.818	534.547
Швеция	1.118.085	1.072.925
Мировой флот	49.089.552 тонн.	57.314.065 тонн.

Но и выросший количественно флот не помогает делу. Одной из причин является, без сомнения, тот

факт, что флот С.-А. Соед. Штатов увеличился в три раза, а флот Германии уменьшился в восемь раз. Это лишний раз показывает, как изменился характер международной экономической связанности. Таблица флота свидетельствует о перемещении больших центров и о неизбежности приспособления к новым условиям.

Издержки плавания выросли во время войны весьма значительно, что, конечно, в свою очередь оказывало сдерживающее влияние на процесс восстановления былых оживленных международных торговых сношений между отдельными материками и странами. Вот показательная таблица издержек различных рейсов, сообщенная английским «The Economist'ом» (26 февр. 1921 г.):

1913—14 г.	1920 г.	Вздорожание в %%.
Фунтов стерлинг:		
2.847	10 631	273
5.935	15.898	168
704	2.562	264
5.865	18 449	215
4.244	16.406	287
3.238	12.250	278
7.215	30.421	321
901	3.285	260
4.489	19.885	343
4.279	17.710	313

Высокие издержки рейсов тяжело ложились на фрахты, по которым перевозились дорогие и без того товары. Рынок сбыта суживался. Правда, дорогие фрахты пришпоривали судостроительную промышленность, с избытком наверставшую потери флота во время войны. Пароход в 7.500 тонн до войны, в 1914 г., стоил 42.500 ф. ст., во время войны он поднялся в цене до 187.500 ф. ст., в начале 1920 г.—еще выше—232.500 ф. ст., но в конце этого же года цена упала до 105.000 ф. ст., главным образом, под влиянием распродажи с аукциона германского торгового флота («Frankfurt Ztng», 1921. № 208).

Интересна было эволюция и пароходных фрахтов в 1920 году:

	Из Александрии в Англию.	Из Ла-Платы в Англию.	Из Кардифа в Порт-Саид.
Январь	24 ш. 6 п.	190 ш.	65 шилл.
Апрель	55 „ 0 „	150 „	75 „
Июнь	40 „ 0 „	100 „	30 „
Сентябрь	30 „ 0 „	102 „ 6 п.	30 „
Декабрь	23 „ 0 „	42 „ 6 „	15 „
Февр. 1921 г.		37 „ 0 „	

Но такое значительное падение фрахтов на протяжении года не оказало благодетельного влияния на международную торговлю. Оно привело лишь к тому, что оживленная деятельность верфей совсем почти приостановилась.

Новые условия международного экономического общения, столь существенно необходимого для оздоровления Европы, таковы, что хозяйственные организмы или не могут приноровиться к ним в короткое время, или,—и это предположение, пожалуй, будет вернее,—новые условия должны как можно ближе приблизиться к довоенному типу, слагавшемуся под влиянием известной закономерности и лишь изуродованному войною и новою политическою ситуацией.

Если взять данныя, характеризующие, напр., английскую внешнюю торговлю за два момента, накануне войны и после войны, то сейчас же бросится в глаза не только количественное, но, так сказать, и качественное изменение позиции Англии на мировом рынке. Изменение же английской позиции означает перемену положения на мировом рынке и тех стран, которые экономически находились в тесном общении с Англией. Вот таблица внешней торговли Англии, в миллионах

ф. ст., распределенной по странам, с которыми Англия вела наиболее оживленную торговлю:

1913 год.

	Ввоз.	Вывоз.	Реэкспорт.	Итого.
Германия	80,4	40,7	19,8	140,9
Франция	46,4	28,9	11,9	87,2
Россия	40,3	18,1	9,6	68,0
Голландия	23,6	15,4	5,1	44,1
Бельгия	23,4	13,2	7,4	44,0
Дания	23,8	5,8	0,6	30,2
Всего	237,9	122,1	54,4	414,4

1920 год.

	Ввоз.	Вывоз.	Реэкспорт.	Итого.
Германия	31,1	21,7	29,4	82,2
Франция	76,0	136,6	39,8	252,4
Россия	34,2	11,9	4,8	50,9
Голландия	39,5	47,9	14,5	101,7
Бельгия	45,0	49,1	19,5	113,6
Дания	31,2	30,6	4,1	65,9
Всего	256,8	297,8	112,1	666,7

Можно думать, что под Россией в колонне цифр, относящихся к 1920 г., разумеется Россия в границах довоенного времени, т. е., включая новообразовавшиеся на ее территории малые государства.

Мы оставим здесь без внимания тот факт, что оборот английской внешней торговли в 1920 г. по ценам 1913 года составит менее $^1/_3$ оборота 1913 года. Гораздо интереснее другие факты, обнаруживаемые этой таблицей, и среди них главный—перемещение центров английской торговли. На основании этой таблицы «The Economist» указывал, что в 1913 г. больше половины оборота падало на Германию и Россию, а в 1920 г.—на эти страны приходится менее $^1/_3$.

Если представить предшествующую таблицу в ее конечном итоге в процентах, то получится следующая наглядная картина:

	1913 год.	1920 год.
Германия	34	12
Франция	21	39
Россия	16	7
Голландия	11	15
Бельгия	11	17
Дания	7	10
	100%	100%

Такое резкое изменение адресов английской внешней торговли не могло пройти бесследно для интересов народного хозяйства Англии. Утрата рынков не возмещается автоматически и по произволу, и поэтому жизненный нерв народного хозяйства Англии, ее внешняя торговля, количественно потерпел сильнейший ущерб. В Англии начинают познавать «корень вещей». Так, «Economist» писал: «если за пять лет в конце концов нам удастся убедить наших союзников оставить все помыслы о репарациях и контрибуциях, то восстановление Германии может быть ускорено; а от восстановления Германии зависит возрождение всего европейского континента. Если наши беды научат нас тому, что в экономическом отношении мир представляет собою единое целое, что болезнь нашей страны есть болезнь всех стран, что никакая страна не может извлечь пользы из бедствий другой страны, то мы получим наиболее ценный урок» (№ от 29 янв. 1921 г.).

В той же статье поставлен и диагноз болезни: «колоссальные опустошения войны, финансовая политика, которая привела к инфляции все денежные системы, а некоторые системы совершенно обесценила, лишили Великобританию ее заморских рынков, в особенности в Европе. Наши старые клиенты не производят больше излишних товаров, которые они обычно производили и

обменивали на английские товары. Оставляя в стороне трудности международных рассчетов, мы должны признать, что ни сахар, ни лен, ни лес, ни масло, которые мы получали из центральной и восточной Европы в обмен за английские товары, не производятся более в довоенных количествах. Падение покупательной силы серебра сократило наш сбыт на далеком Востоке, куда в 1919 и 1920 годах мы сбыли по высокой цене огромные количества текстильных товаров. Китай и Индия более не в состоянии платить цены, которые они платили шесть месяцев назад. На рынках Южной Америки и в наших доминиях наши клиенты удовлетворили свои непосредственные потребности, и теперь они не желают покупать от нас, если могут получить товары в других местах по более дешевым ценам. Соперничество, которое было уничтожено на целых шесть лет, ныне возвращается на заморские рынки, и британские товары более не могут занимать командующей позиции на рынке. Наши товары должны продаваться по их качеству, соперничая с американскими товарами и с теми товарами, которые начинают поступать на рынок из Бельгии и оживающей Германии. За последние немногие месяцы мы сделали внезапное открытие, что стоимость нашего производства превосходит склонность наших клиентов оплачивать ее. У нас клиентов теперь меньше, чем их было раньше, и оставшиеся беднее, чем они были раньше. Такое же открытие было сделано и в С.-А. Соединенных Штатах и тем же самым путем. Издержки производства стали выше, производительность рабочего упала, а потребитель—домашний и иноземный—ошеломлен. Непосредственный результат—растущая безработица. Наличные товары гибнут, наблюдается сильное падение цен, но новые товары не производятся. Они и не могут производиться при существующих издержках производства, по ценам, по которым мир не склонен их покупать»...

Разрушение кредитных связей значительно ослабляет положение на международном рынке как промышленных стран, так и стран, нуждающихся в привозе фабрикатов и в так называемом привлечении иностранных капиталов. Неустойчивые бумажноденежные валюты мешают упрочению кредитных связей, которые только и могут быть основной базой международной торговли. Та же причина мешает и привлечению иностранных капиталов. Вне же последнего условия, создающего покупательную силу многих и многих стран, невозможно оздоровление ни старых промышленных стран, по необходимости работающих на экспорт, ни новых стран, нуждающихся в дрожжах для развития своих производительных сил.

Экспорт капитала из богатых стран в послевоенное время сильно сократился, если не сказать большего, хотя, как это было, напр., в Англии, деятельность рынка капиталов была в высшей степени энергичной, но энергия поглощалась, главным образом, государственным кредитом. Данные об эмиссиях на английском рынке представлены в следующей таблице, в тыс. ф. ст.

1911 г.	191,759
1912 „	210,850
1913 „	196,537
1914 „	512,522
1915 „	685,241
1916 „	585,436
1917 „	1.318,596
1918 „	1.393,381
1919 „	1.036,059
1920 „	367,549

Куда же шли эти капиталы? Во время войны и в первый год по окончании войны львиную долю пожирало государственное хозяйство. А для 1920 г. картина рисуется в следующем виде:

	1911 г.	1920 г.
Соед. Королевство	26,1 милл. ф. ст.	328,0 милл. ф. ст.
Британ. владения	64,9 „ „ „	31,6 „ „ „
Заграница	106,6 „ „ „	7,8 „ „ „
Всего	191,7 милл. ф. ст.	367,5 милл. ф. ст.

Эта таблица констатирует выдающийся факт: в 1911 г. из всей массы нового английского капитала только 15% было применено внутри страны и свыше 50% направлено было заграницу. В 1920 г. свыше 90% назначено для внутреннего приложения и только немного более 2% отправлено заграницу. При таких условиях народные хозяйства обоих типов—экспортирующие капитал и привлекающие его—оказываются поставленными в ненормальное положение. Ведь хорошо известна роль миграции иностранного капитала в процессе международного экономического общения. Укажем на ближайшие по времени факты. В мае 1921 г. Норвегия заключила в Лондоне договор о займе на 4 милл. ф. ст., из 6%. Сумма была подписана менее, чем в четыре часа. Чем об'яснить успех этого займа? Тем, что его выручка пойдет на закупку в Англии же для Норвегии железнодорожных материалов. В том же мае Бразилия заключает 8%-ный заем в 25 милл. долларов в Соед. Штатах (эмиссионный курс 97½%, фактический доход 8¼%). Заем обеспечен налогами. Он покрывается полностью менее, чем в час времени. Причина успеха лежит в том, что выручка от займа пойдет на электрофикацию бразильских железных дорог, а материалы для этой электрофикации будут закуплены на рынке Соед. Штатов.

Вот те старые пути, которые приводили к тесному экономическому общению отдельных стран; эти пути во время войны сильно заросли травою, что и привело к естественным результатам, мало утешительным для всех—и дающих, и принимающих. Восстановление мирового рынка, полного оживленных сношений, будет главным и непременным условием оздоровления европейских народных хозяйств. В наше время в одиночку никто не может спастись. Опыт двух лет, истекших после перемирия в Западной Европе, подтвердил это с исчерпывающей доказательностью и полной убедительностью.

Выше мы сказали, что многое зависит от исхода мирового кризиса. В июле 1921 г. положение дела рисовалось в следующем виде. В одних странах, как, например, в Скандинавии и в особенности, в Польше состояние народного хозяйства ухудшилось. Ухудшилось экономическое положение и в Англии, что здесь всецело об'ясняется влиянием угольной забастовки. Но в других странах, как, например, в Америке, в Германии, даже в Австрии ясно обозначилась тенденция к улучшению. Для большинства стран час испытания прошел, и в большей части мирового рынка сейчас уже сильно бьет струя бодрой жизни. Для больных стран, нуждающихся в притоке оздоровляющего озона, перспективы мирового рынка значительно просветлели.

Июль. 1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

I. **Последствия войны.**—Ценность опыта Запада по восстановлению народного хозяйства.—Естественные богатства Канады.—Грандиозные проекты электрофикации.—Военные расходы.—Военные ущербы.—Нарушение производственного процесса.—Порча денег.—Инфляция.—Рост задолженности.—Разорванность международного экономического общения 3

II. **Важнейшие показатели состояния народного хозяйства.**—Влияние войны на все страны.—Пример Испании.—Результаты первых двух лет мирного времени.—Каменноугольная промышленность.—Чугун и сталь.—Мировая хлопчатобумажная промышленность 13

III. **Революция цен.**—Невозможность довоенного уровня жизни.—Два движения в области цен.—Движение цен в Англии.—Индексы Англии.—Оптовые цены Англии.—Движение цен на хлопок 19

IV. **Индексы и дороговизна.**—Вопрос об индексах и интерес к ним во всем мире.—Индексы С.-А. Соед. Штатов.—Индекс Англии.—Французский индекс.—Товарные цены Франции.—Индекс Германии.—Цены в Германии, Австрии.—Индексы Италии, Дании, Норвегии и Канады.—Русский индекс 26

V. **Кризис «перепроизводства».** Рост товарных цен и рынки сбыта.—Кризис в Японии.—Кризис в текстильной промышленности.—Чайный рынок.—Падение цен и сокращение производства.—Чугун, сталь, уголь.—Сокращение оборотов британской внешней торговли.—Хлопок.—Хлеб и мясо.—История с углем в Англии.—Безработица в Америке, Англии, Швейцарии.—Кризис в Германии.—Отзвуки кризиса в Польше 37

VI. **Валютный хаос.**—Расстройство валютных отношений, как одна из существенных причин мирового кризиса.—Серебро и колебание его цен.—Покупательная сила Востока.—Валютные отношения Европы и Америки.—Вексельные курсы в Нью-Йорке.—Позиция фунта стерлинга.—Германская валюта.—Рассчетные балансы.—Ссуды Англии Европе.—Долги Англии Америке 51

VII. **Финансовый фактор.**—Бюджеты и дефициты.—Рост налогов и товарные цены.—Финансы Англии, Франции, Германии, Польши и Австрии.—Этатизм.—Важность финансового фактора в экономике Европы 61

VIII. **Восстановление мирового рынка.**—Невозможность выводов.—Жизненность народного хозяйства Европы.—Коммерческий флот и фрахты.—Новые условия экономического общения народов.—Диагноз болезни.—Разрушение кредитных связей.—Экспорт капитала.—Возврат к старым путям 70